

NEW YORK TIMES BESTSELLER

ВОЗВРАЩЕНИЕ

БЛЕЙК
КРАУЧ

ОТ АВТОРА ЛЕГЕНДАРНОЙ ТРИЛОГИИ **«СОСНЫ»**

Блейк Крауч

Возвращение

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48525059

Возвращение: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-106146-3

Аннотация

NEW YORK TIMES BESTSELLER

БУДУЩИЙ ХИТ NETFLIX

[i]Детектив Барри Саттон расследует самоубийство: женщина покончила с собой из-за тоски по мужу и сыну, которых у нее никогда не было.[/i]

Новейший парадоксальный мир от создателя легендарной трилогии «Сосны». Безумная бесконечная гонка по альтернативным векторам времени в духе «Грани будущего» с Томом Крузом, «Исходного кода» с Джейком Джилленхолом и «Петли времени» с Брюсом Уиллисом. За экранизацию для «Netflix» взялась Шонда Раймс, создательница сериалов «Анатомия страсти», «Скандал» и «Как избежать наказания за убийство».

2018 год. Кажется, это начало новой неслыханной эпидемии. Людей сводят с ума воспоминания, им не принадлежащие. Детектив Барри Саттон расследует самоубийство: женщина

покончила с собой из-за тоски по мужу и сыну, которых у нее никогда не было. Откуда взялся этот синдром ложной памяти?

2007 год. Каждый имеет право заново как наяву пережить первый поцелуй, рождение ребенка – в общем, лучшие моменты жизни. Одержимая этой мечтой, нейробиолог Хелена Смит упорно работает над технологией, которая позволит сделать это. И не только...

???? год. Игры с памятью, оказывается, невероятно опасны. Один неосторожный или злонамеренный шаг – и мир затрещит по швам. Барри и Хелена убедились в этом на собственном жутком опыте. Они не единственные, кто все понимает. Но единственные, кто способен предотвратить катастрофу. Нужно только правильно выбрать воспоминание... катастрофу. Нужно только правильно выбрать воспоминание...

«Ошеломительный рейд по закоулкам памяти. Талант Крауча – прекрасное оружие, чтобы покуситься на самую ткань времени».
Time

«Уникальный опыт. Я просто на все забил, пока не проглотил последнюю страницу».
Энди Вейер, автор «Марсианина»

Содержание

Книга 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Блейк Крауч

Возвращение

Blake Crouch
Recursion

© Пузанов А., Кодряной П., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается Джеки

Книга 1

Время – это всего лишь память в процессе формирования.

Владимир Набоков¹

Барри

2 ноября 2018 г.

«Форд Краун-Виктория» Барри Саттона останавливается в пожарном проезде у главного входа в По-билдинг. Небоскреб в стиле ар-деко² с подсветкой на стенах ослепительно белеет в темноте. Барри выскакивает из автомобиля, мчит-ся по дорожке и через вращающиеся двери врывается в холл. Стук ботинок по мраморному полу разносится громким эхом. Ночной смотритель уже ждет у лифтов, держа один открытым.

– Какой этаж? – спрашивает Барри, вбегая в кабину.
– Сорок первый. Там направо и по коридору до конца.
– Сейчас прибудет подкрепление. Скажите, пусть держатся сзади и ждут сигнала.

---

¹ Из интервью Джеймсу Моссмену, сентябрь 1969. Пер. А. Г. Николаевской.

² Ар-деко – стиль на стыке модерна, авангарда и неоклассики, популярный в 1920–1940-е гг.

Лифт резво, совсем не по возрасту здания, устремляется вверх. У Барри тут же закладывает уши. Когда двери наконец раскрываются, он бросается бегом мимо вывески юридической фирмы по ковровой дорожке. Кое-где горит свет, но большей частью этаж погружен во тьму. За спиной остаются безмолвные кабинеты, конференц-зал, столовая, библиотека... Наконец коридор приводит к приемной, соединенной с самым большим офисом.

В тусклом свете все кажется серым. Необъятный стол красного дерева завален папками и бумагами. На другом, круглом, блокноты и кружки с остывшим, горько пахнущим кофе. На барной стойке исключительно выдержанный виски «Макаллан». В дальнем углу тихонько гудит аэратором аквариум, в переливающейся воде плавают маленькая акула и несколько тропических рыбок.

Приближаясь к застекленным дверям, Барри переводит телефон в беззвучный режим и снимает обувь. Затем осторожно берется за ручку, открывает створку и выскальзывает на террасу.

Небоскребы Верхнего Вест-Сайда таинственно светятся за пеленой тумана. Громкий голос города, не смолкающий и ночью, звучит совсем рядом – автомобильные гудки эхом отражаются от стен, вдалеке пронзительные сирены «Скорой» несутся к месту какой-то другой трагедии. До шпиля здания футов пятьдесят, не больше – он вздымается в вышине короной из стекла и металла, венчающей готическое заверше-

ние башни.

Женщина сидит возле выдавший виды горгульи³, спиной к Барри, буквально в пяти шагах, свесив ноги вниз. Он начинает продвигаться к ней по сырой плитке. Носки тут же становятся мокрыми. Еще немного – и он сможет оттащить самоубийцу от края. Она даже не успеет...

– Ваш одекolon, – произносит женщина, не оглядываясь. – Я чувствую запах.

Барри замирает. Она поворачивается:

– Еще шаг, и я прыгну.

При таком освещении сложно сказать наверняка, но на вид ей около сорока. Темный блейзер, юбка в тон. Сидит здесь, похоже, долго – прическа во влажном воздухе потеряла форму.

– Кто вы? – спрашивает женщина.

– Барри Саттон, детектив центрального отдела ограблений, полиция Нью-Йорка.

– Ограблений?..

– Я оказался ближе всего. Как вас зовут?

– Энн Восс Питерс.

– Можно называть вас Энн?

– Конечно.

– Есть кто-нибудь, кого я могу вызвать сюда для вас?

Она качает головой.

– Я перейду вон туда, чтобы вам не нужно было вывора-

---

³ Горгулья – здесь: декоративная гротескная скульптура.

чивать шею.

Барри обходит женщину по дуге и тоже приближается к парапету, оказываясь буквально в паре шагов от нее.

– Ну, я вас слушаю, – говорит женщина.

– Простите?

– Разве вы не должны меня отговаривать? Давайте сразу с козырей.

Барри еще в лифте решил, что скажет, припомнив подготовку по работе с самоубийцами. Однако прямо сейчас заранее отрепетированная речь начинает казаться сомнительной. Единственное, в чем Барри уверен, – что ноги у него застыли, как ледышки.

– Я понимаю, сейчас вам кажется, что никакой надежды нет, но это временное отчаяние, оно пройдет.

Энн смотрит вниз вдоль стены здания. До земли четыреста футов. Ладони женщины уперты в камень, изъеденный десятилетиями кислотных дождей. Все, что ей нужно сделать, – оттолкнуться. Похоже, она мысленно снова и снова повторяет это движение, постепенно подводя себя к нему, накапливая решимость.

Барри замечает, что она дрожит.

– Позвольте я дам вам куртку, – предлагает он.

– Уверена, вы не захотите приближаться ко мне, детектив.

– Почему?

– У меня СЛП.

Барри с трудом подавляет желание немедленно сбежать.

Он слышал, конечно, о синдроме ложной памяти, но никогда прежде не сталкивался ни с кем из больных, не дышал с ними одним воздухом. Не уверен теперь даже, что попытается в последний момент схватить женщину. Нет, к черту! Если она решит прыгнуть, надо сделать все, что нужно. Подхватит СЛП – ну и пусть. Полицейский – работа рискованная.

– Как давно вы больны?

– Однажды утром, около месяца назад, я вдруг очнулась не у себя дома в Миддлбери, штат Вермонт, а здесь в Нью-Йорке, в квартире. У меня раскалывалась голова и текла кровь из носа. Сперва я даже не поняла, где нахожусь. Потом вспомнила и эту свою жизнь... тоже. В ней я так и не вышла замуж, занимаюсь инвестициями... Но я знаю... – Она едва сдерживает эмоции. – ...знаю и другое. У меня есть сын – там, в Вермонте. Сэм. Ему девять. У нас с мужем, Джо Берманом, свой бизнес – ландшафтный дизайн. В той жизни меня звали Энн Берман, и мы втроем были счастливы.

– На что это похоже? – спрашивает Барри, в то же время незаметно подвигаясь ближе.

– Что именно?

– Ваши ложные воспоминания о жизни в Вермонте.

– Я помню не только нашу свадьбу, но даже спор, каким должен быть торт. Наш дом, до мельчайших деталей. Нашего сына. Как я рожала его, до секунды. Его смех. Родимое пятно на левой щеке. Его первый день в школе и как он не хотел, чтобы я уходила. Вот только когда я пытаюсь представить

Сэма, он выходит словно на черно-белой фотографии. Я не вижу цвета глаз. Говорю себе: «Голубые», но они остаются черными. И все воспоминания так – будто кадры из старых фильмов. Они кажутся реальными, но на деле призрачные, фантомные. – Ее голос срывается. – Все знают, что СЛП создает ложные воспоминания о главном в жизни, но мелочи куда мучительнее. Я не просто помню своего мужа – я помню запах его дыхания по утрам, когда он поворачивается ко мне в кровати. И если он встал пораньше и уже почистил зубы – значит, хочет секса. Вот эти детали убивают меня больше всего. Из-за них я чувствую, что все было на самом деле.

– А как же эта жизнь? – спрашивает Барри. – Неужели она ничего для вас не значит?

– Может быть, некоторые люди с СЛП и предпочитают настоящие воспоминания ложным, только это не мой случай. Я пыталась, четыре долгие недели, но больше не в силах притворяться. – Слезы текут у нее из глаз, размывая тушь. – Моего ребенка, моего чудесного сына, никогда не существовало, понимаете вы? Он – просто короткое замыкание у меня в мозгу.

Барри осторожно делает еще шаг к женщине, но на сей раз она замечает.

– Не приближайтесь.

– Вы не одиноки.

– Чушь собачья.

– Я знаю вас всего несколько минут, но мне будет очень

больно, если вы сделаете это. Подумайте о тех, кто любит вас – в этой жизни. Подумайте, каково придется им.

– Я выследила его – Джо... – роняет Энн.

– Кого?

– Моего мужа. Он вел себя так, будто не узнает меня, но я почувствовала, что это притворство. У него другая жизнь. Дом на Лонг-Айленде. Женат – не знаю на ком. Не знаю, есть ли у них дети. Смотрел на меня как на сумасшедшую...

– Мне очень жаль, Энн.

– Это слишком больно.

– Послушайте, я тоже был в подобном состоянии. Тоже хотел оборвать все. Однако вот – стою перед вами. И я рад, что не сделал этого. Рад, что мне хватило сил справиться. Жизнь еще не кончена. Надо просто перелистнуть черную страницу.

– Что у вас случилось?

– Я потерял дочь. Мое сердце тоже было разбито.

Энн смотрит куда-то вдаль, на залитый светом горизонт.

– У вас есть ее фотографии? Вы говорите о ней с другими?

– Да.

– По крайней мере, она действительно существовала.

На это ему нечего ответить.

Женщина вновь смотрит себе под ноги. Сбрасывает со ступни одну из туфель и наблюдает за тем, как та падает. Затем отправляет следом и вторую.

– Энн, пожалуйста...

– В моей прошлой – ненастоящей – жизни с этого здания прыгнула первая жена Джо, Фрэнни. Вот прямо отсюда. Пятнадцать лет назад. У нее была клиническая депрессия. Я знаю, что он винил себя. Когда я уходила из его дома на Лонг-Айленде, то сказала, что тоже брошусь с По-билдини сегодня, как она. Понимаю, это глупо и прочее, но я надеялась, что он придет и спасет меня. Совершит то, чего не смог сделать для нее. Я даже сперва приняла вас за него, только он никогда не пользовался одеколоном. – Она горько улыбается, потом добавляет: – Пить хочется.

Барри оглядывается сквозь застекленные двери на темный офис. Двое патрульных замерли наготове у стойки администратора.

– Может быть, тогда войдем внутрь и поищем для вас стакан воды? – предлагает Барри, вновь поворачиваясь к женщине.

– А вы мне не принесете?

– Я не могу оставить вас одну.

У нее дрожат руки, но в глазах вдруг мелькает решимость.

– Это не ваша вина, – говорит она, оглядываясь на Барри. – Все закончилось бы так в любом случае.

– Энн, не надо!..

– Моего сына больше нет.

Одним простым и естественным движением она соскальзывает с края.

Хелена

22 октября 2007 г.

Стоя в шесть утра под душем и пытаюсь проснуться, Хелена вдруг остро ощущает, что проживала этот самый миг, горячие струи уже стекали точно так же по ее телу. Ничего необычного – приступы дежавю преследуют ее с двадцати с чем-то лет. Да и момент совершенно рутинный – что необычного может быть в принятии душа? Интересно, в «Маунтинсайд-Кэпитал» уже рассмотрели ее заявку? Прошла неделя... Пора бы получить какой-нибудь отклик. Если бы они были заинтересованы, наверное, хотя бы пригласили встретиться.

Сварив кофе, Хелена делает завтрак на скорую руку – бобы и яичницу из трех яиц, щедро сдобренную кетчупом. Сидя за столом, смотрит в окно на безоблачное небо и залитую солнцем окраину Сан-Хосе.

Месяц с лишним не удавалось выкроить время даже для стирки, и пол в спальне почти весь завален грязной одеждой. С трудом все-таки удастся отыскать футболку и джинсы, в которых еще не совсем стыдно показаться на людях.

Телефон подает голос, как раз когда Хелена чистит зубы. Она сплевывает, наскоро ополаскивает рот и успевает схватить трубку на четвертом звонке.

– Как там моя девочка?

Голос отца всегда вызывает у нее улыбку:

– Привет, пап.

– Я боялся, что не застаю тебя, а в лабораторию не хотел звонить.

– Все нормально. Что-то случилось?

– Просто скучаю по тебе. Как твоя заявка? Есть реакция?

– Пока ничего.

– У меня отличное предчувствие. Все обязательно сложится.

– Ну, не знаю. Здесь все непросто. Конкуренция огромная. За деньги бьется куча умных людей.

– Не таких умных, как моя девочка.

Эта вера отца в нее вдруг становится невыносимой – особенно сегодня, когда призрак провала так и маячит на горизонте, особенно здесь, в маленькой грязной спальне с голыми стенами, куда Хелена больше года никого не приводила...

– Как у вас погода? – спрашивает она, чтобы сменить тему.

– Ночью выпал снег. Первый раз за сезон.

– Много?

– Нет, пару дюймов, не больше. Но горы уже все белые.

Она видит их как наяву – Передовой хребет Скалистых гор, край ее детства...

– Как мама?

Едва заметная пауза.

– Все в порядке.

– Пап...

– Что?

– Как мама?

Он протяжно вздыхает:

– Бывало и лучше.

– Что-то не так?

– Да нет. Она сейчас наверху, спит.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем, все в порядке.

– Лучше скажи мне.

– Мы играли в джин рамми⁴ после ужина, как обычно. И она... она забыла все правила. Сидит за столом, смотрит на карты, и слезы текут по лицу. Мы играли в эту игру тридцать лет...

Хелена слышит, как рука отца прикрывает трубку. Он тоже сидит и плачет там, за тысячу миль отсюда.

– Пап, я возвращаюсь домой.

– Нет, Хелена, нет.

– Тебе нужна моя помощь.

– О нас здесь есть кому позаботиться. Днем пойдем к врачу. Чем ты действительно можешь помочь матери – получить финансирование и сконструировать свое кресло.

Хелена не говорит ему этого, но на самом деле кресло где-то там, в далеком будущем. Неопределенно далеком – как сон, как мираж. Ее глаза наполняют слезы.

---

⁴ Джин рамми – карточная игра.

– Ты же знаешь, что я делаю это для нее...

– Да, милая, знаю.

Некоторое время оба молча плачут, пытаясь скрыть это друг от друга – безо всякого успеха. Больше всего Хелене хочется сказать отцу, что все обязательно сбудется, но она не может ему лгать.

– Я позвоню вечером, когда вернусь, – наконец говорит она.

– Ладно.

– Скажи маме, что я ее люблю.

– Обязательно. Хотя она и так знает.

* * *

Четыре часа спустя в глубинах нейробиологической лаборатории в Пало-Альто Хелена изучает на мониторе карту воспоминания мыши о пережитом испуге – флуоресцентно подсвеченные нейроны, соединенные друг с другом паутиной синапсов, – когда в дверях появляется незнакомый мужчина. Слаксы, белая футболка и чуть более широкая, чем нужно, улыбка.

– Хелена Смит?

– Да?

– Меня зовут Чжи Ун Черковер. Вы не могли бы уделить мне минуту?

– Доступ в эту лабораторию ограничен. Вы не должны

здесь находиться.

– Прошу прощения за вторжение, но думаю, вам будет интересно услышать то, что я хочу сказать.

Можно еще раз предложить ему уйти или сразу вызвать охрану. Однако он кажется безобидным...

– Хорошо.

Хелене вдруг становится неловко за свой кабинет, похожий на кошмар клаустрофоба и одновременно на берлогу страдающего накопительством. Тесное пространство без окон, крашенные стены из шлакоблоков. Не улучшают дела громоздящиеся вокруг стола коробки для документов, заполненные распечатками тысяч рефератов статей и исследований.

– Простите за беспорядок. Сейчас я освобожу вам место.

– Не беспокойтесь.

Мужчина втаскивает следом складной стул и усаживается напротив. Глаза его скользят по стенам, почти полностью покрытым снимками высокого разрешения с картами воспоминаний мышей и нейронной активности больных деменцией и синдромом Альцгеймера.

– Так чем могу помочь?

– Мой работодатель весьма впечатлен вашей статьей, опубликованной в «Нейроне». О визуализации памяти.

– У него есть имя?

– Ну, это зависит...

– От чего?

– От того, как дальше пойдет наш разговор.

– Зачем мне вообще разговаривать с человеком, представляющим неизвестно кого?

– Ваша стэнфордская стипендия истекает через шесть недель.

Хелена удивленно поднимает бровь.

– Мой босс платит мне достаточно хорошо, чтобы я знал все о людях, которые его интересуют.

– Вы ведь понимаете, насколько зловеще это звучит, правда?

Чжи Ун запускает руку в свою кожаную сумку и выуживает оттуда скоросшиватель с синим корешком. Та самая заявка Хелены.

– Ну конечно! Вы из «Маунтинсайд-Кэпитал»!

– Нет. И они не собираются финансировать ваши исследования.

– Тогда откуда это у вас?

– Неважно. Никто не даст вам денег.

– Почему?

– Вот поэтому. – Он небрежно бросает ее заявку на грант поверх беспорядка на столе. – Она недостаточно амбициозна. Это практически то же, чем вы занимались в Стэнфорде последние три года. Никакой масштабности. Вам тридцать восемь – в современной науке все равно что девяносто. Очень скоро вы проснетесь однажды утром и поймете, что ваши самые светлые дни остались позади. Что вы поте-

ряли...

– По-моему, вам лучше уйти.

– Я не хотел вас обидеть. Если позволите – ваша проблема в том, что вы боитесь попросить того, чего действительно хотите.

Кажется, он ее провоцирует, хотя и непонятно – зачем. Хелена знает, что не должна поддаваться, но ничего не может с собой поделать.

– И почему же я боюсь попросить того, чего действительно хочу?

– Потому что это слишком круто. Вам нужна не семизначная сумма, а девятизначная. Может быть, даже десятизначная. Нужна команда программистов, чтобы помочь разработать алгоритм комплексной каталогизации и отображения человеческой памяти. Нужно оборудование для проведения испытаний на людях.

Хелена пораженно смотрит на него через стол.

– Я даже близко не упоминала подобного в заявке!

– А что, если мы дадим вам все, что только попросите? Неограниченное финансирование. Как вам такое?

У нее начинает бешено колотиться сердце. Значит, вот как это случается? Она, как наяву, видит перед собой кресло за пятьдесят миллионов долларов, которое мечтает сконструировать с тех самых пор, как мама начала все забывать. Странно, но раньше оно никогда не представало перед Хеленой полностью готовым, только в виде чертежей в заявке

на патент под давно придуманным заглавием «Система для проецирования долговременных всеобъемлющих воспоминаний с эффектом погружения».

– Хелена?..

– Если я соглашусь, вы скажете, на кого работаете?

– Да.

– Тогда я тоже говорю «да».

Он называет имя. Пока она пытается подобрать отвисшую челюсть, Чжи Ун достает из сумки еще один документ и протягивает Хелене через стену из коробок.

– Что это?

– Договор найма и подписка о неразглашении. Это обязательно. Полагаю, условия вы найдете крайне щедрыми.

Барри

4 ноября 2018 г.

Кафе расположено в живописном местечке на берегу Гудзона, вблизи Вестсайдского шоссе. Барри появляется пятью минутами раньше условленного, но Джулия уже сидит снаружи, за столиком под зонтом. Они коротко и неловко обнимаются, будто оба сделаны из стекла и боятся раздавить друг друга.

– Рад тебя видеть, – говорит он.

– Я тоже.

Они усаживаются. Рядом появляется официант, готовый

принять заказ на напитки.

– Как дела у Энтони? – спрашивает Барри.

– Отлично. Занят сейчас переделкой фойе в Льюис-билдинг. А у тебя на работе все нормально?

Барри не рассказывает о самоубийстве, которое не смог предотвратить позавчера ночью. Они просто болтают о том о сем, дожидаясь, пока принесут кофе. Сегодня воскресенье, и в кафе многолюдно. За каждым столиком в пределах видимости льется оживленная беседа, слышатся взрывы смеха, и лишь они двое молча потягивают кофе в тени. Им столько есть что обсудить и нечего сказать друг другу.

Вокруг головы Барри вьется бабочка. Он осторожно отмахивается, прогоняя ее прочь. Иногда, лежа в постели без сна, он представляет себе, как они с Джулией наконец поговорят по душам. Как он поделится с ней тем, что все эти годы терзало его изнутри – боль, гнев, любовь, – и потом выслушает ее. Чтобы он понял ее, а она – его.

Когда они встречаются, все, однако, выходит не так. Барри не может открыть Джулии сердце, которое всегда словно заперто и стиснуто зарубцевавшейся раной. Сама по себе неловкость наедине с ней его уже не беспокоит – он давно примирился с тем, что в жизни время от времени приходится смотреть в лицо своим неудачам. Порой они принимают форму людей, которых ты любил когда-то.

– Что бы было с ней сейчас?.. – произносит Джулия.

– Хочу надеяться, сидела бы здесь, с нами.

– Я имею в виду, кем бы она стала.

– А... Юристом, конечно.

Джулия смеется – один из самых прекрасных звуков, которые Барри слышал в своей жизни и даже не помнит, когда в последний раз. В то же время это как удар – словно приоткрылось потайное окошко в душу человека, которого ты знал.

– Она всегда спорила, по любому поводу, – говорит Джулия. – И обычно победа оставалась за ней.

– Мы были легкой добычей.

– Ну, один из нас точно.

– Меня имеешь в виду? – с наигранным гневом вопрошает он.

– Она тобой уже в пять лет вертела как хотела.

– А помнишь, она уговорила нас дать ей попрактиковаться в парковке задним ходом...

– Не нас, а тебя.

– ...и въехала прямо в ворота гаража.

Джулия фыркает от смеха.

– Она так расстроилась тогда.

– Не расстроилась, а разозлилась на себя.

На долю секунду у Барри в голове мелькает воспоминание – или, по крайней мере, обрывок: Меган за рулем его старого «Камри», въехавшего задней половиной в гаражные ворота. Сама красная как рак, из глаз льются слезы, руки стиснуты так, что побелели костяшки...

– Она была умной и настойчивой и обязательно добилась бы чего-нибудь в жизни.

Он допивает свой кофе и наливает себе еще чашку.

– Хорошо вот так поговорить о ней, – замечает Джулия.

– Я рад, что наконец могу это сделать, – кивает он.

Официант подходит, чтобы принять заказ. Бабочка тоже возвращается, опустившись на стол возле нетронутой салфетки. Красуясь, разворачивает крылышки. Барри старается прогнать от себя мысль, что это Меган в облике бабочки выбрала именно сегодняшний день, чтобы навестить его. Глупо, конечно, но избавиться от навязчивого чувства сложно. Такое уже было – как-то в Нохо малиновка летела следом восемь кварталов. Или недавно, во время прогулки с собакой в парке, на руку ему то и дело садилась божья коровка...

Приносят еду. Барри представляет, что Меган сидит за столиком рядом с ними. Угловатые черты юности сгладились – она молодая женщина, и вся жизнь у нее впереди. Он не видит ее лица, как ни старается, только руки, которые беспрестанно жестикулируют, когда она говорит. Совсем как у ее матери, когда та уверена в себе и чем-то увлечена.

Есть не хочется, приходится себя заставлять. Джулия, кажется, хочет сказать что-то, однако молчит, подбирая остатки фриттаты. Барри делает глоток воды и снова откусывает от своего сэндвича, глядя на реку вдаль.

Гудзон вытекает из небольшого озера в Адирондакских горах. Они ездили туда как-то летом, когда Меган было во-

семь или девять. Разбили палатку среди елей, смотрели на падающие звезды... Казалось просто невероятным, что эта крошечная лужица дает начало огромной реке. Воспоминание полностью захватывает Барри.

– О чем задумался? – спрашивает Джулия.

– Помнишь, как мы ездили в горы, к озерцу, из которого вытекает Гудзон?

– Еще бы! Два часа ставили палатку под проливным дождем с ветром.

– А мне казалось, погода была ясной...

Она отрицательно машет головой.

– Какое там! Мы всю ночь глаз не сомкнули, никак не могли согреться.

– Ты уверена?

– Да. После этого я и зареклась выезжать на природу.

– А, точно.

– Как ты мог забыть?

– Не знаю...

Правда в том, что это происходит с ним постоянно. Он все время оглядывается назад, живя прошлым больше, чем настоящим, и нередко слегка приукрашивает воспоминания. Улучшает их, делает идеальными. Ностальгия в качестве обезболивающего действует не хуже алкоголя.

– Наверное, думать, что мы тогда смотрели на звезды, приятнее, – добавляет Барри в конце концов.

Джулия кладет скомканную салфетку на тарелку и отки-

дывается на стуле.

– Я недавно проезжала мимо нашего старого дома. Он так изменился... Ты там бываешь?

– Время от времени.

На самом деле Барри заворачивает туда всякий раз, как оказывается в Джерси. Дом отобрали у них из-за просрочки выплат по кредиту через год после смерти Меган. Сейчас место уже практически не узнать. Деревья разрослись ввысь и вширь, и весь участок в зелени. Над гаражом появилась пристройка. Теперь там живет совсем другая молодая семья. Фасад переделан под камень, пробиты новые окна... Подъездную дорожку расширили и заново замостили. Веревку, свисавшую с дуба, давно сняли, но инициалы Барри и Меган, которые они вырезали на коре, остались. Он сам видел и трогал их прошлым летом, когда, после загула с Гвен и другими ребятами из отдела, решил вдруг в два часа ночи взять такси до Джерси. Новые владельцы вызвали полицию, сообщив о каком-то бродяге у себя во дворе. Барри на ногах не держался, но его все же не арестовали – прибывший местный коп знал его и был в курсе всего, что случилось. Он просто вызвал другое такси, погрузил бедолагу на заднее сиденье и отправил восвояси, оплатив дорогу до Манхэттена.

С воды веет прохладный ветерок, но солнце ласково прогревает плечи – приятный контраст. По реке вверх и вниз движутся прогулочные катера с туристами. С шоссе доносится неумолчный гул машин. В небе перекрещиваются тающие

следы множества самолетов. В Нью-Йорке поздняя осень, один из последних погожих дней.

Барри думает, что скоро – зима, а там и еще один год подойдет к концу. Наступит новый, чтобы вскоре разделить ту же участь... Время бежит все быстрее и быстрее. Жизнь оказалась совсем не такой, какой представлялась в юности, когда думаешь, что можешь управлять своей судьбой. Ничем нельзя управлять, можно только терпеть.

Приносят счет. Джулия хочет заплатить, Барри отбирает у нее счет и бросает на стол собственную кредитку.

– Спасибо.

– Спасибо тебе, что пригласила.

– Давай все-таки в следующий раз увидимся раньше, чем через год. – Она поднимает свой бокал воды со льдом. – За нашу именинницу.

– За нашу именинницу. – В груди сгущается темное облако печали, но Барри выдыхает и добавляет почти нормальным голосом: – За ее двадцать шесть лет.

* * *

После он идет в Центральный парк. Не хочется возвращаться в гробовую тишину собственной квартиры и портить день рождения Меган. И без того последние пять прошли не лучшим образом.

Встречи с Джулией всегда выбивают Барри из колеи. Дол-

гое время после того, как их брак распался, ему казалось – он никогда не оправится, не сможет без нее. Джулия ему часто снилась, а когда он просыпался, боль от того, что ее нет рядом, буквально пожирала изнутри. Ранили и сами сны – полувоспоминания, полуфантазии. В них Джулия была прежней – та же улыбка, тот же задорный, уверенный смех, та же легкость, с которой она шла по жизни. Эта выдуманная женщина из его грез вновь похитила сердце Барри. Наутро он никак не мог выбросить ее из головы, невосполнимость потери смотрела ему прямо в глаза немигающим взором. Лишь постепенно эмоциональное похмелье отпускало его, истаявая, будто утренний туман. Как-то после одного из таких снов Барри встретил Джулию наяву – они столкнулись на вечеринке у старого друга – и, к своему удивлению, за все время принужденного разговора на веранде не почувствовал ничего. Присутствие бывшей жены шло вразрез с уходом в грезы; сама она оказалась не нужна Барри. Открытие и опустошало, и освобождало одновременно. Это значило, что он не любит настоящую Джулию – он любит женщину, которой она была когда-то. Однако ее – той, чей образ преследовал его во снах, – уже не существовало. Она все равно что умерла.

Несколько ночей назад были сильные заморозки, и деревья в парке пожухли. Листья, битая холодом, горит последним осенним великолепием. Барри находит уединенное местечко, сбрасывает ботинки и носки и прислоняется спиной к дереву, наклоненному под идеальным углом. Вытащив те-

лефон, он пытается читать одну биографию, над которой корпит уже почти год, но сосредоточиться не может. Перед глазами так и стоит Энн Восс Питерс, то, как она падала – без единого звука, прямая, как палка. Это продолжалось добрых пять секунд, и он не отвел глаз до самого конца, когда тело ударилось о припаркованный у бордюра «Линкольн».

Барри все время проигрывает в голове их разговор или борется со страхом, снова и снова подвергая проверке собственные воспоминания. Точно ли они настоящие? Как узнать, не изменилось ли какое-нибудь? На что это будет похоже?

Оранжевые и красные листья облетают с деревьев в лучах солнца, падая на землю, исчерченную мозаикой света и тени. Барри наблюдает из своего укрытия за гуляющими по тропинкам вдоль озера. В основном здесь парочки или компании побольше, но есть и одиночки, такие как он.

На телефоне высвечивается сообщение от его подруги Гвендолин Арчер. Она руководит группой спецназа в контртеррористическом подразделении нью-йоркской полиции.

«Вспомнила о тебе. Все ОК?»

«Да. Посидели с Джулией».

«Как прошло?»

«Так, ничего. Что делаешь?»

«Гоняла на велике. Сейчас в баре. Присоединишься?»

«Еще бы. Уже иду».

До бара возле квартиры Гвен в «Адской кухне»⁵ сорок минут пешком. Почти полувековая история – единственное достоинство заведения. Бармены ершистые, разливное пиво только местное и посредственного вкуса, виски можно купить в любом магазине не дороже тридцатки за бутылку. В туалетах, куда даже зайти противно, до сих пор стоят автоматы с презервативами. Музыкальный автомат играет только рок семидесятых-восемидесятых, если кто-нибудь бросит монету.

Гвен сидит в дальнем углу. На ней велосипедные шорты и выцветшая футболка с эмблемой Бруклинского марафона. Палец то и дело чиркает по экрану телефона влево, отвергая потенциальных ухажеров в приложении для свиданий.

– Я думал, ты с этим покончила, – произносит Барри, подходя.

– Одно время я и правда совсем забила на вашего брата, но мой мозгоправ всю плешь мне проел, что надо пробовать дальше.

Соскочив со стула, Гвен коротко обнимает Барри. Легкий запах пота после поездки на велосипеде смешивается с не до конца выветрившимся ароматом геля для душа и дезодоранта. Все вместе немного похоже на соленую карамель.

– Спасибо, что не забываешь, – говорит Барри.

– Тебе сегодня не стоит быть одному.

Она на пятнадцать лет моложе, ей за тридцать. Шесть фу-

---

⁵ Район в западной части Манхэттена.

тов и четыре дюйма⁶ – самая рослая из всех, кого он встречал. Короткие светлые волосы, скандинавский тип лица... Не красавица, скорее величественная на вид. Нередко она казалась суровой, и в этом не было чего-то напускного. Барри как-то сравнил ее с королевой на покое.

Они встретились и подружились несколько лет назад во время ограбления банка, которое обернулось захватом заложников. Следующим Рождеством случился один из самых неловких моментов в жизни Барри. На праздничной вечеринке для полицейских их обоих понесло, и очнулся он в три часа ночи в квартире Гвен. Комната перед глазами шла кругом. Он хотел потихоньку выскользнуть – и в этом была его ошибка, организм оказался еще не готов к активным действиям. Барри вырвало прямо у кровати хозяйки; он пытался убрать за собой, но та проснулась и завопила: «Утром вытру твою блевотину, проваливай!» Был у них секс или хотя бы попытка – Барри не помнил и искренне надеялся, что у Гвен остался такой же провал в памяти. Во всяком случае, оба никогда больше об этом не упоминали.

Бармен приносит Гвен еще порцию бурбона и принимает заказ Барри. Некоторое время они пьют и болтают о всякой ерунде. Когда напряжение сегодняшнего дня наконец начинает отпускать, Гвен вдруг говорит:

– Слышала, в пятницу вечером тебе досталось самоубийство на почве СЛП?

---

⁶ Ок. 193 см.

– Да...

Он рассказывает ей подробности.

– Скажи честно, здорово боишься?

– Ну, вчера я перелопатил весь Интернет и нашел о синдроме все, что мог.

– И?

– В общем, восемь месяцев назад в северо-восточных штатах было выявлено шестьдесят четыре схожих случая. Всех пациентов преследовали полностью вымышленные воспоминания, причем не одно-два, а целая альтернативная версия их жизни на протяжении долгого времени. Месяцы, годы, иногда даже десятки лет.

– То есть свою настоящую жизнь они забывали?

– Нет, просто вдруг у них оказывалось два набора воспоминаний – один истинный и один ложный. Иногда память и сознание как будто перемещались из одной их жизни в другую. Или происходило как бы «озарение» о том, чего никогда не было.

– Установили, из-за чего это случается?

– Нет, причины пока никто не знает. Никаких психологических или неврологических аномалий. Ложные воспоминания – единственный симптом, других нет. Да, и около десяти процентов заболевших кончают с собой.

– Господи...

– Возможно, на самом деле таких самоубийц больше. Гораздо больше. Это только из тех, кому был поставлен диа-

ГНОЗ.

– Уровень суицидов в этом году выше по всем пяти районам города.

Поймав взгляд бармена, Барри делает знак повторить.

– Это заразно? – спрашивает Гвен.

– Я не нашел точного ответа. Возбудитель не обнаружен, поэтому не похоже, чтобы болезнь передавалась через кровь или воздушно-капельным. Но в одной статье в медицинском журнале писали, что якобы СЛП распространяется в социальных сетях носителей.

– В смысле типа «Фейсбука»? Но как это?..

– Нет, имеется в виду, что те, кто был с ними знаком, тоже могут заболеть. У их родителей могут возникнуть те же ложные воспоминания, хотя и в меньшей степени. У братьев, сестер, близких друзей... Там приводился случай с одним человеком, который вдруг проснулся с памятью о совершенно иной жизни. Другая жена, дом, дети, работа. Он назвал даже список гостей на своей свадьбе – той, которой никогда не было. Установили тринадцать человек, и все они тоже ее помнили. Слышала когда-нибудь об «эффекте Манделы»?

– Вроде бы нет.

Бармен тем временем наливает им еще. Барри приканчивает свою порцию бурбона и запивает пивом. Дневной свет снаружи постепенно сменяется сумерками.

– Тысячи людей ясно помнят, что Нельсон Мандела умер в тюрьме в восьмидесятых, хотя на самом деле он дожил до

две тысячи тринадцатого.

– А, я слышала о таком. Это как с «Мишками Беренштейнов».

– Не знаю, о чем ты.

– Потому что ты слишком старый.

– Да иди ты.

– Были такие детские книжки в мое время, и куча народу твердо помнит, что они назывались «Мишки Беренштейнов», а не «Беренштейнов», как на самом деле.

– Да, странно.

– Я бы даже сказала, пугающе, потому что у меня название отложилось так же. – Гвен опрокидывает свой виски.

– Еще – хотя неизвестно, есть ли здесь связь с СЛП, – очень увеличилось число острых, вплоть до нервного истощения, случаев дежавю.

– Это еще что?

– Когда кому-то кажется, что он уже проживал какие-то эпизоды в своей жизни.

– У меня такое бывает.

– И у меня.

– А твоя прыгунья, значит, говорила, что первая жена ее мужа тоже сиганула с По-билдинг?

– Да, а что?

– Так, не знаю. Просто как-то это... странно.

Барри пристально смотрит на нее. Бар тем временем понемногу наполняется, становится шумно.

– К чему ты ведешь?

– Может, и не было у нее никакого СЛП. Может, она просто ненормальная стерва, и тебе не о чем беспокоиться.

* * *

Три часа спустя они уже в каком-то другом баре. Мечта завязного любителя пива – со стен, обшитых деревом, смотрят головы бизона и оленя, а вдоль подсвеченных сзади полок выстроился миллион кранов с сортами на любой вкус.

Барри пьян в хлам. Гвен пытается отвести его поесть, но девушка на входе отказывает им в столике, увидев, в каком он состоянии. Они вновь снаружи. Барри штормит, все силы уходят на то, чтобы улица перед глазами не шла кругом. Гвен, держа под руку, тащит его куда-то.

В следующий момент они вдруг оказываются на углу бог-знает-чего с черт-знает-с-чем. Их остановил патрульный полицейский. Гвен демонстрирует свой значок, объясняя, что пытается доставить Барри домой, а в такси его может вырвать.

Потом они кое-как плетутся дальше. Освещенная футуристичными огнями Таймс-сквер кружится аляповатой каруселью. Взгляд Барри успевает уловить время – 23.22. В какую черную дыру сознания выпали последние шесть часов?

– Нехчу дмой, – произносит он в пустоту.

Снова часы, только теперь на них 4.15. Череп как будто

кто-то продавил внутрь, пока он спал, а язык ссохся как кожаный ремешок. Квартира чужая – Барри лежит на диване в гостиной Гвен. Пытается вернуться назад и склеить воспоминания о вчерашнем вечере, но осколки рассыпаются. Джулия, парк, первый час с Гвен в первом баре... Дальше все мутно и пропитано неловкостью.

В ушах стучит, мысли в голове так и скачут. Одиноким предзвездный час, который так знаком Барри. Весь город спит, только ты – нет... И все прокручиваешь и прокручиваешь в мозгу то, что мучит тебя непрерывно.

Отец, который умер молодым, и не дающий покоя вопрос: «Знал ли он, что я любил его?»

И Меган... Всегда Меган.

Когда она была маленькой, ей казалось, что в ящике у изножья кровати живет чудовище. Днем дочка никогда не вспоминала об этом, но едва опускался вечер и ее укладывали спать, как она начинала звать папу. Он спешил к ней, склонялся над постелью и успокаивал, говоря, что ночью все выглядит страшнее, это только видимость, шутка, которую играет с нами темнота.

Как же странно теперь, много лет спустя, лежать на диване в чужой квартире, куда занесла тебя жизнь, пошедшая совсем не так, как думалось, и пытаться усмирить собственные страхи той же самой логикой. Наступит утро, и станет легче. Выглянет солнце, и вновь появится надежда. Отчаяние – это только видимость, шутка, которую играет с нами темнота...

Барри закрывает глаза и возвращается к уютному воспоминанию о поездке к озеру в горах. Об одном из самых прекрасных моментов в своей жизни – том, где звезды сияли на небе. Он хотел бы навсегда остаться там, если бы мог.

Хелена

1 ноября 2007 г.

День 1

В животе все сжимается, когда на глазах у нее линия побережья Северной Калифорнии растворяется вдалеке. Хелена сидит позади пилота и под оглушающий рев лопастей смотрит на океан, расстилающийся в пяти сотнях футов внизу.

Погода не из лучших – низко над горизонтом нависают тучи, серая поверхность воды вся испещрена белыми барашками. И чем дальше от суши, тем темнее становится все кругом. Через переднее стекло кабины, все в дождевых каплях, Хелена видит, как впереди начинает вырисовываться какой-то силуэт, поднимающийся из воды. До него остается еще миля-другая.

– Это оно? – спрашивает Хелена в микрофон.

– Да, мэм.

Вертолет замедляется, и начинает спуск. Наклонившись вперед, насколько позволяет ремень безопасности, Хелена жадно всматривается в приближающийся колосс из стали и бетона, стоящий на опорах посреди океана точно гигантский

треножник. Пилот нажимает на рукоятку, и они закладывают круг влево, медленно облетая сооружение. Главная платформа возвышается над поверхностью воды на высоте двадцатипятиэтажного здания. По бокам нависают несколько крапов – напоминание о днях, когда это еще было буровой вышкой. Прочая промышленная оснастка убрана или переделана. Вместо нее на платформе появились баскетбольная площадка, бассейн, теплица и что-то вроде беговой дорожки вдоль периметра.

Они приземляются. Винт сбавляет обороты, понемногу останавливаясь, и Хелена видит спешащего к ним человека в желтой кожаной куртке. Пальцы неловко возятся, отстегивая крепление ремня безопасности, когда мужчина открывает дверь. Он помогает Хелене выбраться наружу, спустив ноги сначала на шасси, а потом на поверхность вертолетной площадки, и ведет ее к лестнице на главную платформу. Ветер рвет футболку и кофту с капюшоном. У ступенек шум вертолета стихает, оставляя лишь зияющее безмолвие открытого океана.

Хелена делает последний шаг с лестницы на широко раскинувшуюся во все стороны бетонную поверхность. Сердце на мгновение замирает – навстречу по платформе идет он, работодатель. Борода растрепана, темные волосы всклокочены на ветру. Синие джинсы, выгоревшая спортивная фуфайка – вне всякого сомнения, это Маркус Слейд, изобретатель, филантроп, владелец бизнес-империи, основатель мно-

гочисленных компаний по разработке прорывных технологий в самых разных сферах, от искусственного интеллекта и облачных вычислений до транспортных перевозок и космических полетов, – все и не упомнишь. Один из самых богатых и влиятельных людей в мире, при этом так и не закончивший среднюю школу. И вдобавок ему всего тридцать четыре.

– Будем работать! – говорит он, улыбаясь.

Его энтузиазм успокаивает Хелену. Шагая навстречу, она не знает, что делать дальше. Пожать ему руку или что-то большее? Слейд делает выбор за нее, тепло обняв.

– Добро пожаловать на «Станцию Фокс».

– «Фокс»?

– В честь Гая Фокса. «Помню не зря пятый день ноября»⁷.

– А, понятно. Потому что мы работаем с памятью?

– Скорее потому, что подрывать устои – это по мне. Вы, наверное, замерзли, давайте войдем внутрь.

Они направляются в сторону пятиэтажной надстройки на дальнем краю платформы.

– Здесь не совсем так, как я себе представляла, – признается Хелена.

– Я купил вышку у «ЭксонМобил» несколько лет назад, когда месторождение иссякло. Сперва хотел просто устроить

---

⁷ Первая строка английской народной баллады, посвященной неудавшемуся Пороховому заговору против короля Якова I (5 ноября 1605 года), годовщина которого ежегодно отмечается в Англии как Ночь Гая Фокса, заговорщика, который был пойман, готовясь подорвать бочки с порохом в здании парламента.

здесь себе жилище.

– Приют одиночества?

– Именно. Потом понял, что это также идеальное место для исследовательской работы.

– Почему идеальное?

– По миллиону разных причин, но прежде всего из соображений секретности и безопасности. Я занимаюсь огромным количеством направлений, где промышленный шпионаж – обычное дело. Лучше условий, где можно все держать под контролем, не найти, так ведь?

Они проходят мимо плавательного бассейна. Сейчас не сезон, и он закрыт брезентом, хлопающим на ноябрьском ветру.

– Я прежде всего хотела бы вас поблагодарить, – говорит Хелена. – А во-вторых, спросить – почему я?

– Потому что вы придумали технологию, которая сможет изменить жизнь человечества.

– Как?

– Воспоминания – самое драгоценное, что у нас есть. Они определяют нашу личность, делают нас теми, кто мы есть.

– И кроме того, рынок лекарств от болезни Альцгеймера в следующем десятилетии оценивается в пятнадцать миллиардов долларов.

Маркус только улыбается.

– Мне важно, – добавляет Хелена, – чтобы вы знали: моя главная задача – помочь людям. Я хочу найти способ сохра-

нять память в разрушающемся мозге, который уже не в состоянии удерживать ее. Создать капсулу времени для основных воспоминаний.

– Я понял вас. Но разве это не может быть одновременно и коммерческим проектом?

Они минуют вход в большую теплицу. На стеклянных стенах изнутри капельками влаги конденсируются испарения.

– Насколько мы далеко от берега? – спрашивает Хелена, глядя в открытое море, откуда на платформу наплзает густое облако.

– Сто семьдесят три мили. Как ваши близкие восприняли новость, что вы исчезнете с радаров, дабы заняться неким суперсекретным исследованием?

Хелена не знает, что и ответить. Вся ее жизнь в последнее время проходила в залитых флуоресцентным светом лабораториях, вращаясь вокруг обработки исходных данных для исследования. Работа не отпускала ее, удерживая в своем непреодолимом гравитационном поле. Это было ради мамы, – но и ради себя тоже, что греха таить. Работа стала для Хелены единственным, что заставляло чувствовать ее по-настоящему живой, и она не раз задавалась вопросом: может, с ней что-то не так?

– Я очень загружена и сказала всего шести человекам, с кем я общаюсь. Папа расплакался, но он всегда плачет. А так никто особенно не удивился. Звучит жалко, да?

Слейд оценивающе смотрит на нее.

– По-моему, поддерживать баланс между работой и личной жизнью способны только те, кто не нашел себя, – проносит он.

Хелена обдумывает его слова. И в школе, и в колледже ей много раз твердили: нужно искать свое призвание – то, из-за чего стоит просыпаться по утрам, жить и дышать. Однако, по опыту, мало кому это удавалось. Был и другой момент, о котором учителя и преподаватели не упоминали, – обратная сторона найденного предназначения. Оно поглощает тебя, разрушает связи с другими людьми, убивает счастье. И все же Хелена не хотела бы променять его на что-то иное. Другой она себя не представляет.

Они приближаются ко входу в надстройку.

– Подождите секунду, – просит Слейд. – Смотрите.

Он показывает на стену тумана, надвигающуюся к ним по платформе. Вокруг разливаются холод и полная тишина. Они в самом сердце облака, не видно даже вертолетную площадку.

– Готовы изменить мир вместе со мной? – поворачивается Слейд к Хелене.

– За этим я здесь.

– Отлично. Тогда вперед – увидите, что я для вас построил.

Барри

5 ноября 2018 г.

ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НЬЮ-ЙОРКА
24-Й УЧАСТОК, ЗАП. 100-Я УЛ., 151
НЬЮ-ЙОРК, 10025

* НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ
ДЖОН Р. ПУЛ

* ТЕЛ.
(212) 555-1811

☒ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ
☐ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

ИД. НОМЕР	ДАТА	ВРЕМЯ	ДЕНЬ НЕДЕЛИ
01457C	03/11/07	21.30	ПТ.

МЕСТО
ЗАП. 102-Я УЛ., 2000, 41-Й ЭТАЖ

ВИД ОТЧЕТА
ИЗЛОЖЕНИЕ СОБЫТИЙ

Я, патрульный ривелли, будучи при исполнении служебных обязанностей, принял вызов, код 10-56а, из офиса компании «халтквист», по-билдинг. Прибыв, обнаружил стоя-

щую на краю террасы женщину, назвалсЯ и попросил ее отойти на безопасное расстояние. Она отказалась подчиниться и заявила, что прыгнет, если я подойду ближе. Я спросил ее имя, и она назвалась фрэнни берман [белая, д. Р. 12/06/63, Вост. 110-я ул., 509]. На вид она не находилась под воздействием алкоголя или наркотиков. Предложение вызвать по телефону кого-то из близких отвергла. Я спросил, почему она решила покончить с собой. По ее словам, ничто не приносит ей счастья, мужу и семье будет лучше без нее. Я заверил ее, что это не так.

Затем она перестала отвечать на мои вопросы и, видимо, собиралась с духом, чтобы прыгнуть. Я был готов к физическому вмешательству, чтобы оттащить ее от края, когда патрульный декарло по рации сообщил, что на лифте поднимается муж миссис берман [джо берман, белый, д. Р. 03/12/61, Вост. 110-я ул., 509]. Я известил ее об этом.

Мистер берман, прибыв на террасу, поговорил с женой и убедил ее отойти от края. Я сопровождал обоих к выходу из здания, откуда женщину на карете «скорой помощи» отправили в больницу для оценки состояния.

***СОСТАВИЛ: ПАТРУЛЬНЫЙ РИВЕЛЛИ
НАЧАЛЬНИК: СЕРЖАНТ ДАУЭС***

Сидя за своим столом в разделенном перегородками общем офисе и мучаясь жутким похмельем, Барри в третий раз перечитывает отчет о происшествии. Тот никак не желает укладываться в мозгу, выпирая всеми острыми углами. Энн Восс Питерс рассказывала прямо противоположное о том, что случилось между ее мужем и его первой женой – якобы та все-таки прыгнула.

Отложив отчет и включив монитор, Барри вводит пароль в базу данных отдела регистрации транспортных средств штата Нью-Йорк. Боль пульсирует где-то позади глазных яблок.

Последний известный адрес Джо и Фрэнни Берманов – Монток, Пайнвуд-лэйн, 6.

По-хорошему, надо, конечно, все это бросить. Забыть об СЛП, об Энн Питерс и приняться за груды бумаг на столе и незакрытые дела. Преступления, которое могло бы оправдать трату рабочего времени, здесь нет. Так... нестыковки.

Однако теперь Барри просто до безумия любопытно. Он стал детективом и проработал в полиции двадцать три года, потому что ему нравится разрешать загадки. И противоречивый набор фактов, с которыми он столкнулся, нашептывает ему: что-то здесь не так, надо распутать этот клубок.

Поездку на служебном авто до самого края Лонг-Айленда без санкции начальства, по делу, явно не относящемуся к

юрисдикции полиции, могут счесть нецелевым расходом средств. К тому же голова слишком болит. Поэтому Барри открывает сайт пригородной транспортной компании, чтобы посмотреть расписание. Поезд до Монтока от Пенсильванского вокзала отправляется меньше чем через час...

Хелена

18 января – 29 октября 2008 г.

День 79

Обитать на бывшей буровой платформе Слейда оказалось все равно что жить, получая за это деньги, в пятизвездочном отеле и в нем же работать. Хелена просыпается каждое утро на верхнем этаже надстройки, где располагаются жилые помещения, в просторном угловом отсеке с окнами из водоотталкивающего стекла от потолка до пола. Они распыляют дождевые капли, так что даже в самую ненастную погоду вид на бесконечную морскую гладь ничто не нарушает. Раз в неделю обслуживающий персонал делает уборку и забирает грязную одежду в стирку. Шеф-повар, обладатель мишленовской звезды⁸, готовит еду из свежепойманной рыбы и выращенных в теплице овощей и фруктов.

По настоянию Маркуса пять дней в неделю Хелена занимается спортом – для поддержания духа и остроты ума. На

---

⁸ Мишленовская звезда – упоминание в наиболее влиятельном ресторанном рейтинге компании «Мишлен»

первом уровне есть тренажерный зал, которым она пользуется в плохую погоду. Зимой, в редкие безветренные дни, бегают по дорожке, огибающей всю платформу. Это гораздо приятнее – кажется, будто нарезаешь круги где-то на вершине мира.

Исследовательская лаборатория занимает площадь в десять тысяч квадратных футов – весь третий этаж надстройки. За последние десять недель Хелена продвинулась куда больше, чем за пять лет в Стэнфорде. Все необходимое она получает сразу же, не нужно возиться со счетами. Она занимается только работой, полностью сконцентрировавшись на ней.

Прежде все исследование заключалось в манипуляциях с памятью лабораторных мышей. Группы клеток мозга генетически изменяли таким образом, что они становились светочувствительными. Когда какой-то участок идентифицировали как связанный с определенным воспоминанием (например, об ударе током), его затем можно было реактивировать с помощью специального лазера, проводимого через оптоволокно в черепе мыши, вызвав у нее аналогичную реакцию – страх.

Здесь, на платформе, работа организована совершенно по-другому. Хелена в рамках своей специализации возглавляет целую исследовательскую группу, которая занимается главной задачей – маркировкой и каталогизацией нейронных кластеров, связанных с конкретными воспоминаниями.

Следующий этап – построение цифровой модели мозга, позволяющей их отслеживать и составлять общую карту памяти. По большому счету то же самое, только на куда более высоком уровне.

Остальные три группы тоже создают новаторские технологии, но все же менее революционные. Исследования ведутся на самом переднем крае современной науки, однако правильный подбор персонала и гигантская чековая книжка Маркуса должны помочь справиться с этим без особых проблем.

Всего под началом Хелены в четырех группах работают двадцать человек. Сама она непосредственно возглавляет картографическую. Группа визуализации должна найти способ отображать активность нейронов без необходимости вживлять в череп оптоволокно и светить на мозг лазером. Пришли к решению создать продвинутую разновидность МЭГ, магнитоэнцефалографа. Матрица из сверхпроводящих квантовых интерференционных датчиков (СКВИД) будет реагировать на бесконечно малые магнитные поля, возникающие в результате электрических импульсов в отдельных нейронах, определяя точное положение каждого из них. Устройство уже получило название МЭГ-микроскоп.

Группа реактивации создает устройство, представляющее в целом совокупность огромного числа электромагнитных стимуляторов, формирующих объемную оболочку вокруг головы человека. Они будут с предельно высокой точностью

воздействовать на сотни миллионов нейронов, восстанавливая воспоминания.

Наконец, группа общего оборудования занята созданием кресла для испытаний на человеческом мозге.

Сегодня хороший день. Можно сказать, отличный. Хелена провела встречу со Слейдом, Чжи Уном и руководителями групп – прогресс налицо, они опережают график. Сейчас четыре часа дня, конец января, один из тех редких и скоротечных зимних дней, когда тепло и ясно. Солнце погружается в океан, расцвечивая серые облака и поверхность воды немислимыми оттенками розового. Внизу волны разбиваются о гигантские опоры платформы, затерянной среди бескрайнего простора. Хелена сидит на самом ее краю, свесив ноги, на высоте двадцатипятиэтажного дома, и смотрит на запад.

Неужели она правда здесь? Неужели это ее жизнь?

День 225

МЭГ-микроскоп почти готов, как и устройство реактивации – насколько это возможно без общей карты памяти. Все ждут решения проблемы каталогизации.

Хелена раздосадована задержкой. За ужином со Слейдом в его роскошных апартаментах она говорит ему откровенно – причина чисто техническая. При переходе от мозга мыши к человеческому сложность структуры памяти невероятно возрастает, и имеющейся производительности компьютеров для решения задачи «в лоб» недостаточно. Если не най-

ти какой-то алгоритм, позволяющий сделать это с меньшими затратами вычислительных мощностей, ресурсов просто не хватит.

– Слышала когда-нибудь о «Ди-вейв»? – спрашивает Слейд.

Хелена делает глоток белого бургундского – лучшего вина, какое она пробовала.

– Боюсь, что нет.

– Компания из Британской Колумбии. Год назад выпустила прототип квантового процессора. Область применения довольно узкая, но идеально подходит для задач вроде нашей – картирования огромных наборов данных.

– Это дорого?

– Недешево, но технология мне интересна, поэтому прошлым летом я заказал несколько улучшенных моделей для будущих проектов.

Он улыбается, и что-то в его изучающем взгляде, направленном через стол, оставляет у Хелены неприятное чувство, будто бы Слейд знает о ней куда больше, чем ей хотелось. О ее прошлом, личности, о том, что ею движет. Впрочем, сложно упрекнуть его в стремлении копнуть немного глубже – ведь он вкладывает миллионы долларов и годы труда в ее идею, в ее мозги.

В окне позади Слейда Хелена видит крохотный огонек, где-то далеко-далеко от вышки, и ощущает вдруг, хотя и не в первый раз, как одиноки они здесь, посреди моря.

День 270

Середина лета. Залитые солнцем, длинные дни. Исследования поставлены на паузу в ожидании прибытия двух квантовых процессоров. Хелена отчаянно скучает по родителям. Телефонный разговор с ними раз в неделю – самое яркое событие в ее существовании здесь. Станным образом их отношения с отцом стали более близкими на расстоянии – такими, какими не были уже много лет, со школы. Малейшие весточки из Колорадо несут теперь неожиданную значимость. Хелена жадно впитывает каждую мелочь о жизни родителей, и чем скучнее, тем лучше.

Прогулки по выходным в горах. Сколько снега еще осталось там, на высоте. Концерт, на который они ходили. Что сказал мамин невролог из Денвера. Какие фильмы они смотрели, какие книги прочли. Даже местные слухи и сплетни.

Рассказывает обычно отец. Иногда и мама – когда бывает в здравом уме, в такие моменты они болтают, как в прежние времена. Однако гораздо чаще Дороти поддерживает разговор с большим трудом.

Хелена вся захвачена иррациональной тоской по Колорадо. По виду, открывающемуся с веранды родительского дома – на равнину, которая сменяется подножием Скалистых гор вдали. По зеленым просторам – здесь, на бывшей буровой вышке, вся растительность сосредоточена на маленьком огорожке в теплице. И особенно по маме в это страшное для

нее время. Как невыносимо хочется быть с ней рядом!

Хуже всего то, что нельзя даже поделиться, насколько они продвинулись. Договор о неразглашении сковывает по рукам и ногам, и Хелена подозревает, что Слейд прослушивает все ее разговоры. В ответ на прямой вопрос тот, конечно, это отрицает, но она ему не верит.

Из соображений секретности на буровую вышку не допускают никого из посторонних. Членам команды тоже запрещены поездки на материк до истечения контракта, за исключением внезапной болезни или экстренных семейных обстоятельств.

В попытке сплотить коллектив решено устраивать вечеринки по средам. Для Хелены как для истого интроверта, до недавней поры жившей жизнью ученого-отшельника, это немалое испытание. На платформе проводят соревнования по пейнтболу, волейболу и баскетболу. У бассейна готовят барбекю и разливают привезенное с материка пиво. Гремит музыка, некоторые напиваются... Иногда кто-то даже танцует. Спортивные площадки и зона для барбекю загорожены высокими стеклянными панелями от практически постоянного сильного ветра, но все равно нередко приходится не разговаривать, а кричать, чтобы тебя услышали.

В плохую погоду все собираются в общем помещении возле столовой и играют в настольные игры или прятки.

Как начальник почти над всеми на буровой, кроме Слейда, Хелена особо не рвется чересчур сближаться с кем-ли-

бо. Однако она, как и прочие, затеряна в этой безбрежной водяной пустыне, на высоте двадцати этажей над океаном. Без друзей, без близких недолго и до психоза дойти на почве одиночества.

Именно во время игры в прятки у Хелены случается секс в чулане для белья на верхнем этаже, с Сергеем – гениальным электротехником и красивым парнем, который всегда разбивает ее наголову в ракетбол. Они стоят в темноте, чересчур близко друг к другу. Те, кто ищет, пробегают мимо. Хелена вдруг целует Сергея, привлекая к себе, а он стаскивает с нее шорты и вжимает в стену.

Маркус пригласил Сергея из Москвы. Из всего коллектива он, пожалуй, ближе всех к чистой науке и определенно самый квалифицированный специалист.

Однако настоящую симпатию Хелена питает к другому. Это программист, которого Слейд нанял недавно в ожидании прибытия процессоров «Ди-вейв». Ее привлекают светящиеся в глазах Раджеша теплота и честность, его мягкий, тихий голос. По-настоящему умный и интеллигентный парень. Вчера за завтраком, например, предложил создать книжный клуб.

День 302

Квантовые процессоры прибывают на огромном контейнеровозе. Ощущение – как утром на Рождество. Все стоят на палубе и, затаив дыхание, наблюдают за краном, который

поднимает на двести футов над платформой электронные мозги стоимостью в тридцать миллионов.

День 312

Работа над главной задачей возобновлена, новые процессоры трудятся вовсю. Пишется программа каталогизации памяти и загрузки ее нейронных координат в устройство реактивации. Ощущение застоя в исследованиях ушло, все снова движется вперед. Хелена больше не чувствует себя одинокой, она оживленна и не устает изумляться предвидению Слейда, как на макро-уровне, так и в мелочах, что еще более впечатляет. Он не только смог понять, как грандиозна ее идея, но и знал, какой инструмент может им пригодиться для обработки огромных массивов данных человеческих воспоминаний. И предугадал даже, что одного процессора будет недостаточно, купив сразу два.

За еженедельным ужином со Слейдом Хелена сообщает ему, что, если и дальше все пойдет такими же темпами, уже через месяц они будут готовы к испытаниям на людях.

Его лицо просветляется:

– Правда?

– Правда. И сразу говорю – я буду первой подопытной.

– Извини, слишком опасно.

– Почему ты уверен, что это тебе решать?

– По тысяче разных причин. Кроме всего прочего, без тебя мы ничего не сможем.

– Маркус, я настаиваю.

– Слушай, давай обсудим это позже. Сейчас надо отпраздновать.

Он достает из холодильника для вина «Шеваль Блан» 1947 года. Хрупкая пробка поддается не сразу, наконец, содержимое выливается в хрустальный декантер.

– Такого во всем мире осталось совсем немного, – замечает Слейд.

Едва Хелена подносит бокал к губам и вдыхает сладко-пряный аромат винограда, росшего полвека назад, как ее представление о вине навсегда изменяется.

– За тебя и за этот миг, – говорит Слейд, легонько коснувшись своим бокалом ее.

Вино такое, о коем можно лишь мечтать всякий раз, делая глоток. «Хорошее», «замечательное», «великолепное» – эти характеристики никогда не будут прежними. Оно сверхъестественно. Вкус теплый, богатый, насыщенный и невероятно свежий. Нотки красных припущенных фруктов, цветочные, шоколадные и...

– Давно хотел узнать... – прерывает ее поглощенность процессом Слейд.

Хелена вопросительно смотрит на него поверх стола.

– Почему ты вообще занялась памятью? Это ведь явно началось еще до болезни твоей мамы.

Она слегка покручивает бокал с вином в руке. В огромных окнах, за которыми только темнота над океаном, отражаются

две фигуры, сидящие за столом.

– Потому что память... память – это все. С точки зрения физиологии всего лишь определенная комбинация импульсов в группе нейронов – симфония нейронной активности. На самом же деле это фильтр между нами и реальностью. Тебе кажется, что ты наслаждаешься вкусом вина и слышишь мои слова сейчас, в настоящем, в действительности же никакого настоящего просто не существует. Нервные импульсы от твоих вкусовых и слуховых рецепторов поступают в мозг, который обрабатывает их и отправляет в краткосрочную память. К тому моменту, когда ты ощущаешь что-то, это уже в прошлом, стало воспоминанием.

Хелена подается вперед и щелкает пальцами.

– Чтобы интерпретировать даже такой простой раздражитель, мозгу нужно проделать невероятную работу. Зрительная и слуховая информация поступает к глазам и ушам с разной скоростью и так же обрабатывается. Мозг дожидается последней, самой медленной ее части и затем перераспределяет входящие сигналы в правильной последовательности, чтобы ты мог осознать их одновременно, как единое событие – примерно через полсекунды после того, как оно произошло. Нам кажется, мы воспринимаем мир непосредственно и сразу, фактически же мы имеем дело с тщательно отредактированной и отложенной во времени реконструкцией событий.

Хелена дает Слейду время, чтобы переварить эту инфор-

мацию, наслаждаясь еще одним потрясающим глотком вина.

– А что насчет воспоминаний-«вспышек»? – спрашивает Слейд. – У каждого бывают такие значимые, эмоционально наполненные моменты, которые высвечиваются словно яркая картинка, стоит о них подумать.

– Верно. Это приводит нас к еще одной иллюзии – парадоксу «ложного настоящего». То, что мы воспринимаем как настоящий момент представляет собой не один миг, а некоторый произвольный промежуток недавнего времени – обычно две-три последние секунды. При выбросе адреналина резко возрастает активность миндалевидного тела, и так получается сверхъяркое воспоминание, в котором время как будто замедлилось или остановилось вовсе. Раз мозг обрабатывает текущее событие по-другому, иным станет и «сейчас», изменится его протяженность, точка, где настоящее становится прошлым. Еще один пример того, что настоящее – всего лишь иллюзия, сотканная нашим разумом из воспоминаний.

Хелена откидывается на спинку стула, немного смущенная своим пылом. Вино в конце концов ударило ей в голову.

– Вот поэтому память, поэтому нейробиология, – уже спокойнее говорит она и добавляет, слегка постучав пальцем себе по виску: – Если хочешь понять все вокруг, для начала надо разобраться, как мы это воспринимаем – по-настоящему. Слейд кивает.

– «Очевидно, что ум познает вещи не непосредственно, а

через посредство имеющихся у него идей этих вещей»⁹.

Хелена удивленно смеется:

– Ты читал Джона Локка?

– Что ж, по-твоему, если я технарь, так и книг в руках не держал? Значит, речь идет о том, чтобы с помощью нейробиологии проникнуть сквозь завесу восприятия и увидеть реальность такой, какая она есть?

– Это по определению невозможно. Как бы точно мы ни разобрались в принципах работы нашего разума, в конечном счете нам все равно не удастся преодолеть его ограничения.

Слейд только улыбается.

День 364

Хелена с помощью электронного пропуска проходит на третий этаж и направляется по ярко освещенному коридору в главный испытательный сектор. Она нервничает так, как не нервничала с первого дня здесь. Желудок бунтует – на завтрак удалось впихнуть в себя лишь кофе и несколько ломтиков ананаса.

За ночь группа оборудования перенесла сюда из лаборатории кресло, над которым работала, для испытаний. Джон и Рейчел крепят основание болтами к полу. Хелена замирает на пороге.

Она знала, что это будет эмоциональный момент, однако

---

⁹ Джон Локк (1632–1704, английский философ). Опыт о человеческом разуме. Кн. 4, гл. 4. (Пер. А.Н. Савина).

сейчас осознание того, что она видит, обрушивается на нее как шторм. До сих пор продуктом ее труда были изображения групп нейронов, сложный программный код и чертова уйма неопределенности. Другое дело кресло – материальный объект, его можно потрогать руками. Физическое воплощение мечты, к которой Хелена шла десять долгих лет, подстегиваемая болезнью матери.

– Что скажешь? – спрашивает Рейчел. – Слейд решил изменить конструкцию – хотел сделать тебе сюрприз.

Такое единоличное решение привело бы Хелену в ярость, не будь результат настолько совершенным. Дизайн поражает. В ее представлении кресло всегда оставалось чисто утилитарным устройством, не больше. Они же создали нечто искусное и элегантное, напоминающее известное кресло Имзов¹⁰, только целиковое.

Оба инженера смотрят на Хелену, пытаясь понять по ее реакции, довольна ли она их работой.

– Вы просто превзошли сами себя, – говорит Хелена.

В течение первой половины дня кресло полностью собрано и установлено. МЭГ-микроскоп, прикрепленный к изголовью так, что выглядит одним целым с ним, похож на подвешенный шлем. Пучок отходящих от него проводов тянется вдоль спинки и пропадает в отверстии в полу. Со стороны

---

¹⁰ Кресло Имзов – откидывающееся кресло с подголовником и отдельно стоящей подставкой для ног, созданное супругами-дизайнерами Ч. и Р. Имзами в 1950-е годы.

видны только гладкие, безупречные очертания самого кресла.

Хелена выиграла схватку со Слейдом и станет первой испытуемой. Пришлось прибегнуть к шантажу – она отказывалась иначе раскрыть число синаптических связей, необходимое для правильной реактивации воспоминаний. Слейд, конечно, сопротивлялся, говоря, что ее разум и память слишком важны, чтобы рисковать ими, однако ни ему, ни кому-либо другому не удалось бы ее разубедить.

И вот в 13.07 Хелена опускается на мягкое кожаное сиденье и откидывается назад. Ленора, техник из группы визуализации, осторожно устанавливает микроскоп ей на голову. Подкладка и ремешок на подбородке надежно фиксируют положение внутри шлема. Слейд наблюдает из угла комнаты, широко улыбаясь и снимая происходящее на видеокамеру, будто счастливый отец – рождение своего первого ребенка.

– Все нормально, не жмет? – уточняет Ленора.

– Нет.

– Тогда закрепляю.

Она открывает два отделения по сторонам изголовья и вытягивает несколько телескопических титановых стержней, которые прикрепляет к внешней оболочке микроскопа.

– Попробуйте двинуть головой.

– Не могу.

– И каково оно – сидеть в твоём кресле? – интересуется Слейд.

– Как будто меня вот-вот вырвет.

Наконец, все гуськом выходят из комнаты в отделенную стеклянной стеной аппаратную, откуда осуществляется управление. Через секунду из динамика, встроенного в изголовье, раздается голос Слейда:

– Меня слышно?

– Да.

– Сейчас я приглушу свет.

Вскоре Хелена видит только лица за стеклом, слегка подсвеченные голубым от доброго десятка мониторов.

– Постарайся расслабиться.

Она делает глубокий вдох через нос и так же медленно выдыхает. Датчики, объединенные в геометрическую сетку, начинают тихонько, едва различимо гудеть. Голову будто массируют миллион наноустройств.

С каких воспоминаний начать – этот вопрос обсуждался множество раз, до бесконечности. С чего-то простого или сложного? Свежего или давнего? Счастливого или трагического? Вчера Хелена решила, что они придают этому слишком большое значение. Да и что такое «простое» воспоминание? Вот, например, альбатрос, который приземлился сегодня во время утренней пробежки на платформу. Мимолетное впечатление, не больше, которое однажды неминуемо будет выброшено в пустыню забвения. Однако в нем – и запах моря, и белые птичьи перья, влажно блестящие на утреннем солнце. Колотящееся после бега сердце. Пот, что, стекая

капельками, холодит спину и щиплет глаза. Мелькнувшая в голове мысль – что именно альбатрос считает домом в этом бесконечном однообразии водной глади?

В каждом воспоминании – целая вселенная, как оно может быть простым?

– Хелена? Ты готова? – спрашивает Слейд.

– Да.

– Выбрала воспоминание?

– Да.

– Тогда я начинаю считать от пяти к одному. Когда услышишь звуковой сигнал, начинай... вспоминать.

Барри

5 ноября 2018 г.

Летом в поезде было бы не протолкнуться от манхэттенцев, устремляющихся в курортные местечки, и пришлось бы ехать стоя. Однако сейчас, холодным ноябрьским днем, под свинцово-серыми тучами, грозящими первым в этом году снегом, Барри в вагоне почти один. Он смотрит через грязное стекло на огни Бруклина. Веки тяжелеют...

Когда Барри просыпается, уже совсем темно. В окне только чернота со вспыхивающими точками света и его собственное отражение.

Монток – конечная станция на линии, и Барри сходит с поезда почти в восемь вечера. Льет ледяной дождь – сплош-

ной завесой в свете фонарей. Дыхание вырывается изо рта облачком тумана. Барри, затянув ремень шерстяного пальто и подняв воротник, бредет вдоль путей до станции, уже закрытой на ночь, и забирается в такси, которое вызвал еще из поезда.

В центре городка большинство заведений на замке – не сезон. Они с Джулией и Меган как-то приезжали сюда, двадцать лет назад, летом, на выходные. Тогда на улицах и пляжах было не протолкнуться от отдыхающих.

Пайнвуд-лэйн оказывается уединенной, пустынной дорогой. Под колесами скрипит песок. Где-то через полмили фары выхватывают из темноты ворота. К одной из каменных опор прикреплена табличка с римской цифрой VI.

– Остановите у почтового ящика.

Машина подается еще немного вперед. Окно на стороне Барри с жужжанием опускается. Высунув руку, он нажимает кнопку вызова. Хозяева на месте – прежде чем выехать, он позвонил, представился курьером и предупредил о доставке поздно вечером.

– Дом Берманов, – произносит женский голос.

– Детектив Саттон, полиция Нью-Йорка. Могу я поговорить с вашим мужем, мэм?

– Что-то случилось?

– Ничего особенного, мне просто нужно задать ему несколько вопросов.

Пауза, приглушенный разговор. Потом мужской голос:

– Это Джо. В чем дело?

– Я предпочел бы поговорить с вами лично. С глазу на глаз.

– Мы собирались ужинать...

– Прошу прощения за вторжение, но я специально приехал сюда из города.

Подъезд к дому шириной в одну полосу петляет между зарослями травы и деревьев, постепенно поднимаясь к стоящему на возвышении строению. С расстояния кажется, что дом целиком сделан из стекла и виден весь насквозь. Он светится в ночи манящим оазисом.

Барри расплачивается с таксистом наличными и дает двадцатку сверху, чтобы подождал. Потом выходит в дождь и поднимается по ступенькам к двери. Она открывается сразу же. Джо Берман выглядит старше, чем на фотографии в водительских правах. В его волосах серебрится седина, щеки на загорелом лице слегка обвисли. На Фрэнни прошедшие годы оставили более изящный след.

Три долгие секунды Барри не уверен, пригласят ли его войти, в конце концов женщина все же делает шаг назад с принужденной улыбкой и проводит незваного гостя внутрь.

Помещение со свободной планировкой, разделенной на различные зоны, являет собой чудо дизайнерской мысли и комфорта. Сплошное остекление дном наверняка открывает великолепный вид на море и заповедный лес. С кухни распространяется потрясающий запах, напомнивший Барри о

временах, когда он тоже ел приготовленное с пылу с жару, а не разогретое в микроволновке или доставленное в пластиковых пакетах незнакомыми людьми.

Фрэнни слегка сжимает ладонь мужа.

– Я оставлю еду в духовом шкафу. Давайте я возьму ваше пальто, – добавляет она, поворачиваясь к Барри.

Джо отводит его в кабинет. Одну стену полностью занимает окно, другую полки с книгами. Мужчины усаживаются возле газового камина, стилизованного под дровяной.

– Должен сказать, – произносит Джо, – неожиданный визит полицейского в вечернее время несколько выбивает из колеи.

– Простите, если заставил вас нервничать. Можете не беспокоиться, вам ничего не грозит.

Джо улыбается:

– С этого нужно было начинать.

– Давайте я перейду сразу к делу. Пятнадцать лет назад ваша жена поднялась на сорок первый этаж По-билдинг в Вест-Сайде и...

– Теперь с ней все в порядке. Она стала совсем другой. – Тень то ли раздражения, то ли страха, мелькнувшая на лице Джо, сменяется гневом. – Зачем вы здесь? Почему являетесь в мой дом и нарушаете мирный вечер наедине с женой, копаясь в нашем прошлом?

– Три дня назад я ехал с работы, когда поступил вызов по коду, означающему попытку самоубийства. Я отправился по

вызову и обнаружил на террасе сорок первого этажа По-билдинг женщину, сидящую на самом краю. Она сказала, что у нее СЛП. Вы знаете, что это?

– Синдром ложной памяти.

– Женщина рассказала мне всю свою жизнь, которой не существовало. У нее были муж и сын, они жили в Вермонте и занимались ландшафтным дизайном. Мужа звали Джо. Джо Берман.

Собеседник Барри словно застывает.

– Ее имя – Энн Восс Питерс. Она почему-то думала, что Фрэнни прыгнула оттуда, с того места, где сидела сама Энн. Она сказала мне, что была здесь и разговаривала с вами, но вы ее не узнали. Туда она отправилась в надежде, что вы придете и спасете ее, искупив предыдущую неудачу. Но в это воспоминание, видимо, вкралась ошибка – вам ведь на самом деле удалось остановить Фрэнни. Я прочитал полицейский отчет о происшествии сегодня днем.

– Что с Энн?

– Я не смог спасти ее.

Джо прикрывает глаза, потом открывает снова.

– Чего вы хотите от меня? – спрашивает он еле слышно.

– Вы знали Энн Восс Питерс?

– Нет.

– Тогда откуда она знала вас? Откуда ей стало известно, что ваша жена поднялась на то же место, чтобы покончить с собой? Почему Энн считала, что вы были на ней женаты?

Что у вас был сын, Сэм?

– Не имею ни малейшего понятия. И хочу, чтобы вы ушли.

– Мистер Берман...

– Прошу вас. Я ответил на ваши вопросы. Я не совершил ничего противозаконного. Уходите.

Барри уверен – Джо Берман лжет. Поднявшись, полицейский вытаскивает из кармана визитку и кладет на столик между ними.

– Надеюсь, вы позвоните мне, если передумаете.

Джо не отвечает, не встает, не поднимает глаз. Он сидит неподвижно, не отрывая взгляда от огня и держа руки на коленях – чтобы не выдать, как они трясутся, понимает Барри.

* * *

По дороге в Монток Барри сверяется с расписанием поездов в телефоне. Обратный отправляется без десяти десять. Как раз хватит времени, чтобы наскоро перекусить.

В закусочной почти никого. Барри усаживается на табурет за стойкой. В крови еще кипит адреналин от недавнего разговора.

Раньше чем приносят еду, входит мужчина с бритой головой и занимает место в одной из кабинок. Заказывает кофе и погружается в свой телефон...

Нет – на самом деле это только притворство. Взгляд слишком бдительный, кожаный пиджак сзади оттопыривается –

похоже на кобру. По скрытому во всей фигуре напряжению угадывается полицейский либо военный. Голова неподвижна, но глаза ни на секунду не останавливаются, так и стреляют по сторонам, высматривая, анализируя, сопоставляя. Это как выработанный условный рефлекс, который сохраняется навсегда.

Единственное, куда взгляд мужчины не упал ни разу – на самого Барри.

У меня просто паранойя.

Уже наполовину расправившись со своим заказом – яичницей по-мексикански на тортилье и с томатным соусом – и не переставая думать о Джо и Фрэнни Берманах, Барри вдруг ощущает вспышку боли где-то позади глазных яблок. У него начинается течь носом кровь. Он успевает прижать платок, когда в мозг врывается поток совершенно других воспоминаний о прошедших трех днях. Не было никакого вызова с кодом 10-56А по дороге домой в пятницу. Не было подъема на сорок первый этаж По-билдинг. Не было встречи с Энн Восс Питерс. Не было ее падения. Барри не читал никакого полицейского отчета о попытке суицида Фрэнни Берман. Не покупал билет на поезд до Монтока. Не разговаривал с Джо Берманом.

В общем, с какой-то точки зрения, Барри просто сидел в кресле у себя дома, в однокомнатной квартирке на Вашингтон-Хайтс, смотрел баскетбол, а потом вдруг очутился здесь, в закусочной, с кровоточащим носом.

Воспоминания эти выглядят совсем не так, как обычно. Они безжизненны, статичны и окрашены в разные оттенки серого и черного – совсем как описывала Энн Питерс.

Неужели я все-таки подхватил это от нее?

Кровь останавливается, теперь начинают трястись руки. Барри кидает деньги на стойку и выходит в ночь, пытаясь сохранять спокойствие, но голова идет кругом.

В жизни так мало вещей, на которые можно по-настоящему рассчитывать, которые дают нам ощущение стабильности, твердой почвы под ногами. Нас подводят люди. Подводит собственное тело. Мы подводим сами себя. Барри испытал все из вышеперечисленного. За что остается цепляться – ежечасно, ежесекундно, – если даже память может вдруг взять и измениться? Что тогда реально? И если ответ – «ничего», что же нам остается?

Может, он сошел с ума? Может, именно так себя при этом чувствуешь?

До станции четыре квартала. На улице ни одной машины, все словно вымерло. Барри, как уроженцу города, который никогда не спит, тишина мертвого сезона в курортном местечке действует на нервы.

Прислонившись к фонарному столбу, он ждет, когда откроются двери поезда. На платформе всего четверо человек, включая того бритого из закусочной. Секущий кисти рук дождь сменяется ледяной моросью. Пальцы мерзнут, Барри это даже нравится. Холод – единственное сейчас, что связы-

вает его с реальностью.

Хелена

31 октября 2008 – 14 марта 2009 гг.

День 366

Через два дня после первого опыта с креслом Хелена сидит в аппаратной. Вокруг толпятся визуализаторы. Все не сводят глаз с огромного монитора, показывающего статическую трехмерную картину ее мозга. Активность синапсов отображается свечением разных оттенков голубого.

– Пространственное разрешение потрясающее, ребята, – произносит Хелена. – Я о таком даже и не мечтала.

– Это еще не все, – говорит Раджеш.

Он нажимает на «пробел», и изображение оживает. Нейроны загораются и тускнеют, словно мириады светлячков летним вечером. Словно мерцающие звезды.

Воспоминание разворачивается, и Раджеш приближает картинку до масштаба отдельных нейронов. От синапса к синапсу протягиваются потоки электричества. Даже при замедлении, показывающем активность на протяжении какой-то миллисекунды, сложность остается буквально непостижимой.

– Ты обещала рассказать, на что именно мы смотрим, – напоминает Раджеш, когда проигрывание фрагмента заканчивается.

Хелена улыбается:

– Мне шесть лет. Отец взял меня на рыбалку, на его любимое место в национальном парке Скалистых гор.

– Нельзя ли поподробнее – что именно ты вспоминала в эти пятнадцать секунд? Весь день? Отдельные моменты?

– Я описала бы это как выхваченные из прошлого яркие впечатления, которые вместе составляют эмоциональное воспроизведение того дня.

– Например?..

– Шум ручья, бегущего по камням. Желтые листья то-полей, плывущие по течению и похожие на золотые монеты. Мозолистые руки отца, привязывающего искусственную мушку к крючку. Предвкушение, что вот-вот клюнет. Трава на берегу, в которой я лежу и смотрю вниз, на воду. Ярко-голубое небо, солнце сквозь ветви деревьев, островки света повсюду. Рыба, бьющаяся в руках отца, а он объясняет мне, как она называется и почему. То, как, уже ближе к вечеру, крючок впился мне в большой палец. – Хелена показывает всем крохотный белый шрамик. – Из-за бородки его нельзя было просто вытащить, поэтому папа достал складной нож и надрезал мне кожу. Помню, я ревела, а он уговаривал меня не дергаться, и потом, когда все уже было позади, опустил палец в ледяную воду, пока тот не онемел. От пореза по течению расходилась кровь...

– Какая у тебя эмоциональная связь с этим воспоминанием? – допытывается Раджеш. – Почему ты выбрала именно

его?

Хелена смотрит в его большие темные глаза.

– Отчасти из-за испытанной боли, но в основном потому, что это мое любимое воспоминание, связанное с отцом. Тот момент, когда он более чем когда-либо был самим собой.

День 370

Хелену вновь усаживают в кресло и заставляют воспроизводить то же самое воспоминание снова и снова. Его разделяют на сегменты, пока команде Раджеша не удастся сопоставить отдельные образцы синаптической активности с конкретными моментами.

День 420

Первая попытка реактивации приходится на второе Рождество, проведенное Хеленой здесь. Ее усаживают в кресло и надевают шлем, оснащенный сеткой из электромагнитных стимуляторов. Сергей запрограммировал устройство, вводя синаптические координаты одного из фрагментов воспоминания о рыбалке. Свет в исследовательской лаборатории тускнеет, и Хелена слышит голос Слейда из микрофона в изголовье:

– Готова?

– Да.

Они договорились не сообщать ей, когда начнется реактивация и какой конкретно фрагмент выбран. Иначе, зная,

чего ожидать, Хелена может непреднамеренно сама вызвать нужный образ.

Она закрывает глаза и приступает к упражнению по очищению разума, которое практикует уже неделю. Надо представить себя входящей в комнату, где посередине стоит скамейка вроде тех, какие бывают в художественных галереях. Хелена усаживается и смотрит на стену прямо перед собой. Та, белая у пола, едва заметно меняет цвет по направлению к потолку, переходя в серый и затем в черный. Взгляд медленно поднимается, задерживаясь на каждом оттенке, затем устремляется к следующему, чуть более темному...

Вдруг – укол, зазубренный крючок впивается в большой палец, крик боли, на подушечке выступает крупная алая капля крови, и отец уже подбегает...

– Это вы?! – Сердце Хелены вот-вот выпрыгнет из груди.

– Ты что-то почувствовала? – спрашивает Слейд.

– Да, только что.

– Опиши.

– Яркая вспышка воспоминания, как крючок вонзился мне в палец. Это от вас?

В аппаратной поднимается ликование, а Хелена ударяется в слезы.

День 422

Начинается запись и каталогизация самых ярких воспоминаний из жизни всех и каждого на вышке.

День 424

Записывают воспоминание Леноры. Утро 28 января 1986 года. Ей восемь, и она пришла к зубному. В приемной стоит телевизор, который администратор принесла из дома. Ленора с мамой ждут своей очереди и смотрят репортаж с исторического запуска шаттла «Челленджер», когда тот у них на глазах взрывается над Атлантическим океаном.

Что сильнее всего запечатлелось в ее памяти – этот маленький телевизор на подставке с колесиками. Кадры белого облачка на месте шаттла через мгновение после взрыва. Возглас матери: «О, господи!» Озабоченно-строгий взгляд доктора Хантера. И одна из медсестер, вышедшая посмотреть репортаж, – по щекам у нее текут слезы, скрываясь под маской, которую она так и не сняла.

День 448

Раджеш вспоминает свою последнюю встречу с отцом перед переездом в Америку. Они отправились тогда вдвоем в поход по долине Спити высоко в Гималаях.

Запах яков. Яркий, пронзительный солнечный свет в горах. Кусачий холод речной воды. Постоянное головокружение, начиная с четырех тысяч метров, от бедного кислородом воздуха. Вокруг бурые пустоши, расцвеченные бледно-голубыми глазами озер, разноцветьем молитвенных флагов у храмов и белоснежно сверкающими вершинами высо-

чайших пиков.

Однако самое главное – вечер, когда, сидя возле затухающего костра, отец в минуту откровенности поделился с Раджем своими истинным отношением к жизни и к семье.

День 452

В кресле сидит Сергей, вспоминая, как в его машину врезался сзади мотоцикл. Удар металла о металл. Мотоцикл летит кувырком по дороге. Смятение, ужас, время замедляется, во рту противный привкус железа...

Сергей останавливает машину посреди оживленной московской улицы и выскакивает наружу. Вонь бензина и масла, текущих из развороченного байка. Мотоциклист сидит на асфальте, кожаные штаны в лоскуты, и тупо смотрит на свои руки – половины пальцев как не бывало. Увидев Сергея, с руганью пытается встать, готовый лезть в драку, гневная тирада переходит в крик боли – нога, вывернутая под немыслимым углом, отказывается повиноваться.

День 500

Один из первых тихих дней в году. Всю зиму на вышку обрушивался шторм за штормом. Даже Хелене, привыкшей к работе в четырех стенах, подобное испытание на клаустрофобию далось нелегко. Однако сегодня тепло и безоблачно, океан мирно расстилается под платформой, поблескивая на солнце. Хелена и Слейд лениво прогуливаются по беговой

дорожке.

– Какого ты мнения о ходе исследования? – интересуется он.

– Все отлично. Мы продвигаемся куда быстрее, чем я ожидала. Думаю, пора опубликовать какие-нибудь результаты.

– Вот как.

– Полагаю, с тем, что есть, мы готовы начать изменять жизнь людей к лучшему.

Слейд пристально смотрит на Хелену. Сейчас, почти полтора года спустя после их первой встречи, он выглядит более подтянутым и крепким. Однако и сама Хелена тоже изменилась. Никогда в жизни она не была в лучшей физической форме и не занималась делом интересней.

Степень вовлеченности Слейда в проект намного превзошла ее ожидания. За все время он покидал платформу лишь раз и глубоко вникал в каждый этап исследования. И он, и Чжи Ун посещали все общие совещания группы и участвовали в обсуждении важных решений. Хелена думала, что такой занятой человек будет лишь время от времени спускаться к ним из своих заоблачных высот, однако на деле одержимость Слейда могла посоперничать с ее собственной.

– Ты говоришь, что пора публиковать результаты, – произносит он наконец, когда они достигают северо-восточного угла дорожки и сворачивают на запад, – а вот у меня ощущение, что мы уперлись в стену. Реактивация обернулась разочарованием.

– Что ты такое говоришь?! Все, кто прошел через процедуру, свидетельствуют, что воспоминания были ярче и насыщеннее, чем те, которые они воспроизводили в памяти самостоятельно. Ты видел медицинские карты – все основные показатели во время реактивации резко возрастают, вплоть до уровня стресса. Сам же участвовал в испытаниях – разве ты не согласен со всем этим?

– Не буду спорить, наведенные воспоминания сильнее, но они гораздо менее живые, чем я надеялся.

Хелена вспыхивает от гнева:

– Мы движемся невероятными темпами. Открытия, которые мы сделали в области памяти, изменят мир, если только ты позволишь мне опубликовать их. Я хочу начать картирование памяти на испытуемых с третьей стадией болезни Альцгеймера и затем подвергнуть их реактивации, когда они дойдут до пятой или шестой. Что, если это путь к исцелению, к регенерации синапсов? Или, по крайней мере, средство сохранить важнейшие воспоминания для тех, чей мозг больше не может удерживать их.

– Это из-за твоей мамы?

– Конечно, из-за нее! Через год она будет в таком состоянии, что записывать станет уже нечего. Почему еще, по-твоему, я здесь? Почему я решила посвятить этому свою жизнь?

– Я разделяю твою страсть и тоже хочу уничтожить эту болезнь. Однако в первую очередь я желаю получить «Систему для проецирования долговременных всеобъемлющих воспо-

минаний с эффектом погружения», – цитирует он точное заглавие заявки на патент, которую Хелена заполняла только в своих мечтах.

– Как ты узнал?!

Вместо ответа Слейд сам задает вопрос:

– По-твоему, созданное тобой тянет на «эффект погружения»?

– Я отдала проекту все силы!

– Пожалуйста, не надо воспринимать мои слова как личную обиду. Технология, которую ты разработала, совершенна. Я просто хочу помочь тебе выжать из нее максимум.

Они доходят до северо-западного угла и сворачивают к югу. Визуализаторы и картографы сражаются в волейбол. Раджеш пишет акварель на пленэре возле накрытого брезентом бассейна. Сергей кидает мяч в корзину на баскетбольной площадке.

Слейд останавливается.

– Скажи производственному отделу, что нужно соорудить капсулу сенсорной депривации¹¹. Пусть скоординируются с Сергеем – надо сделать ее герметичной, а также найти способ закрепить реактивирующее устройство на испытуемом, который будет находиться внутри, погруженный в воду.

– Зачем?

– Так мы получим то, чего я хочу добиться – сверхсильную

---

¹¹ Депривация – лишение органов чувств возможности воспринимать внешние раздражители.

версию реактивации памяти.

– Но откуда ты можешь знать?..

– Когда закончите, придумайте, как в этот момент остановить сердце испытуемого.

Хелена смотрит на него как на сумасшедшего.

– Чем больший стресс испытает организм в процессе, тем острее будет восприятие воспоминаний. Внутри мозга есть орган размером с рисинку – шишковидная железа. Она играет важную роль в выработке вещества под названием диметилтриптамин, или ДМТ. Слышала о таком?

– Один из самых сильных известных психоделиков.

– В микроскопических дозах, поступающих в мозг ночью, ДМТ создает наши сны. Однако в момент смерти шишковидная железа выбрасывает целый его поток – лавочка прикрывается, полная распродажа. Поэтому люди видят разные вещи, когда умирают – бег через туннель к свету или вся жизнь, проносящаяся перед глазами. Чтобы внедрить воспоминания с эффектом погружения, как во сне, нам понадобится больше, чем просто сон. Или, если хочешь, больше ДМТ.

– Никому точно не известно, что происходит с нашим разумом в момент смерти. Ты не знаешь, как это повлияет на внедрение воспоминаний. Люди могут погибнуть напрасно.

– С каких пор ты стала такой пессимисткой?

– Кто, по-твоему, по своей воле согласится рисковать жизнью ради проекта?

– Мы не дадим им умереть. Спроси у ребят, кто готов пойти на это. Я хорошо заплачу, учитывая риск. Если на платформе не найдется достаточно добровольцев, отыщем их в другом месте.

– Ты сам готов залезть в эту капсулу и позволить остановить свое сердце?

Слейд мрачно улыбается.

– Когда процедура будет доведена до совершенства – безусловно. Тогда, и только тогда, ты сможешь доставить сюда свою мать и использовать все мое оборудование и все свое умение, чтобы каталогизировать и записать ее воспоминания.

– Маркус, прошу тебя...

– Тогда, и только тогда.

– Мы можем не успеть.

– Значит, поспеши.

Он уходит. Хелена смотрит ему вслед. До сих пор это не всплывало так явно, и она просто не обращала внимания. Однако теперь игнорировать происходящее уже нельзя. Откуда Слейду известны вещи, которые он не должен, да и не может знать? Полное, во всех деталях, представление Хелены о своем детище, вплоть до названия заявки на патент, которую она однажды собиралась подать. То, что решить проблему с картированием памяти помогут квантовые процессоры. А теперь вдобавок эта безумная идея с остановкой сердца для усиления эффекта погружения. И еще более

тревожно, как Слейд роняет эти маленькие намеки – почти демонстративно, напоказ. Будто хочет запугать Хелену своим всезнанием и всесилием. И если трения между ними не прекратятся, он ведь, пожалуй, может лишить ее доступа к креслу... Надо попробовать уговорить Раджа создать для нее второй, секретный пароль – на всякий случай.

Впервые за все время, проведенное на платформе, Хелена не уверена, что она здесь в безопасности.

Барри

5–6 ноября 2018 г.

– Извините, сэр? Сэр?

Разбуженный Барри открывает глаза. Сфокусировать зрение получается не сразу, и секунд пять он даже не понимает, где находится. Потом ощущает покачивание вагона, замечает пролетающих за окном напротив фонари, склонившееся лицо пожилого кондуктора.

– Разрешите ваш билет? – говорит тот с учтивостью, усвоенной в другое время и в другую эпоху.

Барри роется в карманах пальто. Телефон отыскивается во внутреннем, на самом дне. Открыв нужное приложение, протягивает кондуктору, чтобы тот мог отсканировать штрих-код.

– Благодарю вас, мистер Саттон. Простите, что разбудил. Когда старик переходит в следующий вагон, Барри заме-

чает на экране уведомление о четырех пропущенных звонках – все с одного и того же номера. И сообщение голосовой почты. Нажимает «Воспроизвести» и подносит телефон к уху.

– Э-э, это Джо... Джо Берман. Эм-м... не могли бы вы перезвонить сразу, как сможете? Мне очень нужно поговорить с вами.

Барри тут же набирает номер. Джо берет трубку после первого же гудка.

– Детектив Саттон?

– Да.

– Где вы?

– Еду на поезде обратно в Нью-Йорк.

– Поймите, я даже не думал, что кто-нибудь может дознаться. Мне обещали, что ничего никогда...

– О чем вы говорите?

– Я был напуган. – В голосе мужчины слышны слезы. – Вы можете вернуться?

– Джо, я в поезде. Расскажите мне все по телефону.

Какое-то время в трубке раздается лишь тяжелое дыхание. Кажется, на заднем плане слышен и женский плач, однако Барри не может сказать наверняка.

– Я не должен был так поступать, – произносит наконец Джо. – Теперь я понимаю. У меня была прекрасная жизнь, замечательный сын, но я просто не мог смотреть на себя в зеркало.

– Почему?

– Потому что меня не оказалось тогда рядом, и она спрыгнула. Я не мог себе простить...

– Кто спрыгнул?

– Фрэнни.

– О чем вы? Она не спрыгнула. Я только что видел ее у вас дома.

Сквозь помехи на линии до Барри доносятся рыдания.

– Джо, вы знали Энн Восс Питерс?

– Да.

– Откуда?

– Мы были женаты.

– Что?!

– Это из-за меня она покончила с собой. Я увидел рекламу в газете: «Хотите все исправить?» – и позвонил по номеру... Энн сказала вам, что у нее синдром ложной памяти?

– Да.

И у меня тоже.

– Похоже, теперь и вы им страдаете. Говорят, он передается через общение...

Джо смеется. Звук полон сожаления и ненависти к самому себе.

– СЛП – вовсе не то, что о нем думают.

– А вы знаете, что это?

– Еще бы.

– Тогда расскажите мне.

В трубке повисает тишина. На секунду Барри кажется, что связь прервалась.

– Джо, вы там? Вы слышите?

– Да, я здесь.

– Что такое СЛП, по-вашему?

– Это из-за таких, как я. Из-за людей, которые сделали то же, что и я. И чем дальше, тем будет только хуже.

– Почему?

– Я... – Длинная пауза. – Я не могу объяснить. Это слишком безумно. Вам нужно самому все увидеть.

– Как?

– Когда я позвонил, мне сперва задали несколько вопросов по телефону, а затем отвезли в отель на Манхэттене.

– На Манхэттене много отелей, Джо.

– Не таких, как этот. Туда так просто не попасть. Только по приглашению. И единственный вход – через подземный гараж.

– Вы знаете точный адрес?

– Восточная Пятидесятая, между Лексингтон-авеню и Третьей. В одном квартале с круглосуточной забегаловкой.

– Джо...

– Это очень могущественные люди. У Фрэнни был срыв, когда она все вспомнила, и они тут же узнали. Приехали, угрожали мне...

– Кто? Что за люди?

Молчание.

– Джо? Джо?!

Короткие гудки. Барри перезванивает, его сразу переключают на голосовую почту. Он смотрит в окно – там только темнота, лишь время от времени мелькают огни домов и станций.

Барри возвращается к альтернативным воспоминаниям, застигшим его в кафе. Они никуда не делись. Такого прежде не было, но они так же реальны, как и все прочие, – парадокс, который не желает укладываться в голове.

Взгляд обегает вагон, где, кроме Барри, никого. Тишину нарушает только похожий на сердцебиение мерный перестук колес поезда, мчащегося по рельсам. Рука ощупывает сиденье, пальцы скользят по обивке... Барри залезает в бумажник, достает и рассматривает свое водительское удостоверение и полицейский значок.

Глубокий вдох. Я – Барри Саттон. Еду на поезде из Монтока в Нью-Йорк. Мое прошлое таково, каково оно есть. Оно не может измениться. Реально то, что существует сейчас. Вагон. Холодное стекло окна. Брызги дождя по ту сторону. И я. Имеется какое-то логическое объяснение ложным воспоминаниям. Как и тому, что случилось с Джо и Энн Восс Питерс. Всему есть объяснение. Надо найти его, разгадать загадку. А в этом я любому дам фору.

Чушь. На самом деле Барри напуган, как никогда в жизни.

Он выходит на Пенсильванском вокзале за полночь. С розоватого неба валит снег, уже около дюйма напало. Барри поднимает воротник, раскрывает зонт и направляется к северу от 34-й улицы. На дорогах и тротуарах пусто. Снег приглушает шум Манхэттена до неясного гула.

Пятнадцать минут быстрым шагом – и вот уже перекресток Западной 50-й и Восьмой авеню. Барри сворачивает на восток. Ледяной ветер со снегом теперь прямо в лицо, приходится загораживаться зонтиком, как щитом.

На Лексингтон-авеню Барри останавливается, пропуская три снегоочистителя. Через улицу горит красным неоновая вывеска:

Ресторан Маклахлена

Завтрак

Обед

Ужин

7 дней в неделю

24 часа в сутки

Барри переходит на другую сторону и задерживается под вывеской, глядя, как снег падает сквозь красные отсветы. Видимо, это та самая забегаловка, о которой говорил Джо.

После сорокаминутной прогулки холод начинает пробирать уже всерьез. Ноги промокли. Миновав ресторанчик,

Барри проходит мимо ниши, в которой сидит бездомный. Тот что-то бормочет себе под нос и раскачивается взад-вперед, обхватив руками колени. Далее следуют винный погребок, магазин со спиртным покрепче, салон брендовой женской одежды и банк. Все закрыто на ночь, рольставни опущены.

Уже в конце квартала Барри останавливается перед чернеющей в темноте подъездной дорожкой. Она ведет к подземному гаражу здания в стиле неоготики, втиснутого между громадинами небоскребов из стекла и металла. Опустив зонтик, Барри шагает в едва освещенный полумрак, уходящий куда-то вниз. Через полтора десятка шагов дорожка упирается в подъемную дверь из усиленной стали. Рядом цифровая панель для набора кода, над ней камера наблюдения.

Ну и черт с ним. На сегодня достаточно. Надо будет прийти сюда завтра, проследить за выходом и отловить кого-нибудь, кто появится оттуда или...

От звука внезапно начавшего работать механизма у Барри замирает в груди. Он оглядывается на дверь гаража. Та медленно поднимается, свет изнутри протягивается по дорожке, подбираясь к носкам мокрых ботинок полицейского.

Уйти? Остаться? Может, это вообще не то место...

Дверь поднялась уже наполовину и движется дальше, по другую сторону никого нет. Барри, поколебавшись, делает шаг внутрь и попадает в небольшой подземный паркинг с дюжиной стоящих автомобилей. Звук шагов по бетону от-

зывается эхом, с потолка светят галогенные лампы. Впереди возникает лифт, а рядом дверь – по-видимому, на лестницу.

Над лифтом загорается огонек, звучит сигнал прибытия кабины. Спрятавшись за «Линкольном», Барри смотрит через тонированное лобовое стекло на раскрывающиеся дверцы. Внутри пусто. Какого черта?!

Что он вообще здесь делает? Все это не имеет отношения ни к одному из его дел. Никакого преступления, насколько он может судить, здесь не совершается. Формально это он сейчас нарушает закон, вторгаясь в частное владение.

А, пошло оно все...

Стенки кабины лифта из гладкого металла, взгляду не за что зацепиться. Управление, очевидно, осуществляется откуда-то изнутри здания. Дверцы закрываются, и лифт движется вверх. Сердце в груди Барри бешено колотится. Он дважды сглатывает, чтобы не закладывало уши. Через полминуты лифт с дрожью замирает на месте.

Первое, что слышит Барри, когда дверцы открываются – музыка Майлза Дэвиса¹², одна из его потрясающих медленных композиций. Она скользит печальным эхом по обширному помещению – кажется, это фойе отеля.

Барри ступает из лифта на мраморный пол. Вокруг все отделано деревом темного, мрачного оттенка. Кожаные диваны, стулья, покрытые черные лаком. В воздухе еле заметно

---

¹² Майлз Дэвис (1926–1991) – один из самых известных джазовых музыкантов и композиторов, родоначальник нескольких направлений этого жанра.

пахнет сигарным дымом. Что-то вневременное ощущается во всей обстановке.

Впереди пустая стойка администратора со старинными, из другой эпохи полками для почты. На стене выше вензель с буквами «О» и «В».

Откуда-то доносится хрупкое звяканье ледяных кубиков о стекло, затем долетают и голоса. Возле ряда окон угнездился небольшой бар. Двое мужчин, сидя на табуретах с кожаными сиденьями, разговаривают между собой. Женщина-бармен в черной жилетке протирает стаканы.

Барри подходит, запах сигарного дыма становится сильнее, в воздухе – сизая завеса. Усевшись на один из табуретов, полицейский облокачивается на стойку из красного дерева. Огни города и контуры зданий за окнами почти скрыты снегопадом.

Женщина-бармен подходит к новому клиенту. Красивая – темные глаза, седые не по возрасту волосы удерживаются деревянными палочками. На ее бейдже написано: ТОНЯ.

– Что будете пить? – спрашивает она.

– Можно виски?

– Какую-то конкретную марку?

– На ваш выбор.

Она отходит налить ему порцию. Барри оглядывается на двоих мужчин, сидящих через несколько мест от него. Они пьют бурбон – наполовину опустошенная бутылка стоит между ними на стойке. Тому, что поближе, кажется, немного

за семьдесят. У него седые, редеющие волосы и изнуренный вид неизлечимо больного. В руке он держит сигару, от которой спиралью поднимается дымок, пахнувший словно проливающийся над пустыней дождь. Второй мужчина по возрасту ближе к Барри – незапоминающееся чисто выбритое лицо, в глазах усталость.

– Давно вы уже здесь, Амор? – спрашивает он.

– Около недели.

– Дату уже назначили?

– Да. Завтра вообще-то.

– Ого! Поздравляю.

Они чокаются стаканами.

– Нервничаете?

– Ну, из головы не выходит, конечно. Но они очень тщательно ко всему подготавливают.

– А правда, что никакой анестезии?

– Да, к сожалению. А вы когда приехали?

– Вчера.

Амор возвращается к своей сигаре. Появляется Тоня и ставит перед Барри виски на салфетке с золотой надписью «Отель Воспоминание».

– Решили, что будете делать, когда вернетесь? – спрашивает мужчина помоложе.

Барри отпивает немного скотча. Во вкусе нотки хереса, карамель, сухофрукты и алкоголь.

– Есть кое-какие планы. Покончу вот с этим, – он подни-

мает сигару. — Поменьше вот этого, — показывает на стакан с виски. — Когда-то я был архитектором — есть один проект, за который я не взялся, о чем всегда жалел. Это могло бы стать главным моим достижением в жизни. А вы?

— Не знаю. Я чувствую себя таким виноватым...

— Почему?

— Разве мы поступаем не эгоистично?

— Это наши воспоминания. Никто другой не может претендовать на них. — Амор опрокидывает в рот остатки своего виски. — Ну, мне, пожалуй, пора на боковую. Завтра важный день.

— Да, я тоже пойду.

Встав, мужчиныжимают друг другу руки, желают удачи и направляются к лифтам. Барри смотрит им вслед. Когда он поворачивается обратно к стойке, перед ним стоит барменша.

— Что это за место, Тоня? — спрашивает он.

Губы и язык почему-то плохо слушаются, и слова выходят тягучими и неуклюжими.

— Кажется, вам нехорошо, сэр.

В голове словно ослабеваекакая-то пружина, связывавшая его с реальностью. Барри смотрит на свой стакан, потом на Тоню.

— Винс отведет вас в номер, — добавляет она.

Барри кое-как слезает с табурета и, нетвердо держась на ногах, оборачивается. Глаза встречаются с мертвым взгля-

дом бритого мужчины из закуской. Вокруг шеи у того идет искусная татуировка в виде сомкнувшихся на горле женских рук.

Барри тянется за пистолетом, но рука движется медленно, будто в сиропе. Винс уже шарит под пальто, ловко отстегивает плечевую кобуру со служебным оружием и сует его за пояс своих джинсов сзади. Потом вытаскивает из внутреннего кармана телефон и перебрасывает Тоне.

– Я полицейский, – заплетающимся языком выговаривает Барри.

– Я тоже им был.

– Что это за место?

– Скоро узнаешь.

Дурнота усиливается. Винс хватается за руку и тащит к лифтам позади стойки администратора. Нажимает на кнопку и вталкивает в кабину. Следующее, что Барри помнит – как ковыляет по коридору отеля, а все вокруг будто растворяется на глазах. Ноги петляют по мягкой красной ковровой дорожке, мимо проплывают настенные канделябры с допотопными лампами, льющими тусклый свет из другой эпохи на деревянные панели между дверями. Номер «1414» из-за этого отбрасывает тень и словно медленно вращается вокруг глазка, описывая плавные восьмерки.

Винс открывает дверь и, втащив Барри внутрь, швыряет на громадную кровать с балдахином, где тот сворачивается клубком. Сознание быстро уходит, лишь одна мысль еще

крутится в голове – вот это я облажался. Дверь захлопывается, он остается один, не в состоянии пошевелить даже пальцем.

Сквозь полупрозрачную штору на стеклянной стене просачиваются огни заснеженного города. Последнее, что Барри видит, – сияющие бриллиантами треугольные окна Крайслер-билдинг.

* * *

Во рту сухо. Левая рука болит. Постепенно зрение проясняется...

Барри распростерт в кожаном кресле – черном, элегантном, ультрасовременном, – к которому пристегнут ремнями. В левом предплечье катетер, отсюда и боль. Рядом металлическая капельница на колесиках, от которой тянется подсоединенная к нему пластиковая трубка.

На стене прямо перед Барри компьютерный терминал и различное медицинское оборудование, в том числе (и это не может не тревожить) набор для реанимации на тележке. В нише у дальнего края комнаты какое-то гигантское яйцо, белое и гладкое, от него тянутся различные трубки и провода.

На табурете возле кресла сидит незнакомец. Длинная всклокоченная борода, пронзительные голубые глаза, светящиеся интеллектом и неудобной энергичностью.

Барри открывает рот, но слова не желают складываться –

состояние пока не то.

– Еще не отпустило?

Барри кивает.

Мужчина нажимает кнопку на капельнице, и по трубке в вену начинает течь прозрачная жидкость. В глазах сразу проясняется, Барри ощущает прилив бодрости, будто только что опрокинул порцию эспрессо. Вместе с сознанием возвращается и страх.

– Лучше? – спрашивает незнакомец.

Барри пытается кивнуть, однако теперь не может двинуть головой.

– Я коп, – предупреждает он.

– Я знаю. Мне много чего о вас известно, детектив Саттон, включая тот факт, что вы очень везучий человек.

– Почему это?

– Из-за вашего прошлого я решил не убивать вас.

Хорошая новость. Или незнакомец просто забавляется с ним?

– Кто вы?

– Это неважно. Но я собираюсь сделать вам лучший подарок в вашей жизни. Величайший из всех, о котором человек может только мечтать. Если вы не возражаете... – Вежливость незнакомца странным образом лишь усиливает тревогу. – ...прежде чем мы начнем, у меня к вам будет несколько вопросов.

Барри окончательно приходит в себя. Туман рассеивает-

ся, возвращаются последние фрагменты памяти – как непослушные ноги ступают по ковровой дорожке, и затем номер 1414...

– Вы нанесли визит Джо и Фрэнни Берманам в официальном качестве? – спрашивает незнакомец.

– Как вы узнали, что я у них был?

– Просто ответьте на вопрос.

– Нет. Я удовлетворял собственное любопытство.

– Кто-нибудь из ваших коллег или начальства в курсе вашей поездки в Монток?

– Никто.

– Вы с кем-нибудь обсуждали ваш интерес к Энн Восс Питерс и Джо Берману?

Барри разговаривал о них и о синдроме ложной памяти с Гвен в воскресенье, но об этом никто не может знать, он уверен.

– Нет, – не моргнув глазом, отвечает он.

На телефоне у Барри активировано отслеживающее приложение. Неизвестно, сколько он провалялся без сознания, и если сейчас утро вторника, на работе его отсутствие теоретически могут заметить не раньше вечера, через много часов. Встреч на сегодня не назначено – ни деловых, ни дружеских посиделок в кафе или баре. Пожалуй, и несколько дней ни у кого не сработает тревожный маячок на радаре.

– Меня будут искать, – произносит Барри.

– Не найдут.

Он делает глубокий вдох, пытаясь унять нарастающую панику. Нужно убедить этого человека освободить его, прибегнув лишь к помощи слов и логики.

– Я не знаю, кто вы, – говорит Барри. – И понятия не имею, что здесь происходит. Но если вы отпустите меня, клянусь, вы больше никогда обо мне не услышите.

Незнакомец сходит с табурета и идет через комнату к терминалу. Встав перед огромным монитором, набирает что-то на клавиатуре. Спустя секунду Барри ощущает, как аппарат на его голове – что бы это ни было – начинает издавать едва различимый звук, похожий на комариный писк. Страх мгновенно затмевает способность к рациональному мышлению, сердце колотится где-то в горле...

– Что это?! Что вам от меня нужно?!

– Мне нужно, чтобы вы рассказали о том дне, когда последний раз видели вашу дочь живой.

В ослепляющей ярости Барри рвется из кожаных пут, всеми силами пытаясь высвободить голову. Ремни трещат, но ничего не выходит. Выступившие крупные капли пота стекают по лбу, соленая влага щиплет глаза, которые нельзя даже вытереть.

– Убью! – ревет Барри.

Мужчина склоняется к нему. Его лицо совсем рядом, в глазах пляшет холодный голубой огонек. Барри чувствует запах дорогого одеколona и кислинку обжаренного кофе в дыхании.

– Я не издеваюсь над вами, – говорит незнакомец. – Я пытаюсь помочь.

– На хер такую помощь!

– Вы сами сюда пришли.

– Ага, после того как Джо Берман напел мне – наверняка с ваших слов.

– Знаете что – пусть все будет честно, по максимуму. Или вы отвечаете правду на все мои вопросы, или умрете на месте.

Барри в его положении не остается ничего другого, кроме как принять эти правила. Надо продержаться в живых, пока не представится хоть малейшая возможность, хоть крохотный шанс освободиться.

– Ладно.

– Компьютер, начать сессию, – произносит мужчина, подняв голову к потолку.

Механический женский голос откликается:

– Новая сессия начата.

Незнакомец смотрит Барри прямо в глаза.

– Итак, расскажите мне о том дне, когда вы в последний раз видели свою дочь живой. Не упуская ни малейшей детали.

Хелена

29 марта – 20 июня 2009 г.

День 515

Стоя в вестибюле надстройки у выхода к западной погрузочной площадке, Хелена наглухо застегивает «молнию» на своей одежде для плохой погоды. Ветер, словно призрак, воет могильным голосом по ту сторону двери. Дует с самого утра, порывами такой силы, что запросто может снести в море.

С трудом открыв дверь, Хелена выглядывает в серую мглу с косо идущим дождем и пристегивает страховочный карабин к протянутому через всю платформу тросу. Одно дело знать, что ветер сильный, другое – ощутить это на себе. Налетевший порыв едва не сбивает с ног. Хелена собирается с духом и, клонясь вперед, выходит.

Снаружи все затянуто серой пеленой, в которой слышен только безумный рев ветра. Иглы дождя бьют по капюшону, словно железные шарики. На то, чтобы пересечь платформу, уходит добрых десять минут. Каждый шаг дается с трудом и грозит потерей равновесия. Наконец Хелена добирается до своего любимого места в северо-западном углу платформы, усаживается, свесив ноги, и смотрит, как внизу разбиваются об опоры волны высотой с пятиэтажный дом.

Последние двое человек из группы оборудования уехали вчера, до начала шторма. Дело обернулось не просто возражениями против нового распоряжения Слейда – помещать подопытных в депривационную капсулу и останавливать им сердце. Все исследователи, кроме самой Хелены и Сергея,

разорвали контракты и потребовали немедленного возвращения на материк. Чувство вины за то, что осталась, Хелена старается заглушить мыслями о маме и других таких же, как она, однако утешение выходит слабым.

Правда, она практически уверена, что Слейд все равно не отпустил бы ее. Чжи Ун улетел, чтобы набрать команду медиков и новых техников для сооружения депривационной капсулы, так что теперь на платформе остались только сама Хелена, Слейд и костяк обслуживающего персонала.

Здесь, снаружи, кажется, что сама вселенная вопит ей прямо в ухо. Подняв голову к небу, Хелена кричит в ответ.

День 598

Кто-то стучит в дверь. Пошарив рукой в темноте, Хелена включает лампу и выбирается из постели в пижамных штанах и черной майке. Будильник на столе показывает 9.50.

Хелена выходит в гостиную и идет к двери, нажав по дороге на кнопку, поднимающую глухие шторы. В коридоре стоит Слейд в джинсах и спортивной кофте с капюшоном. Прошло несколько недель, как они виделись последний раз.

– Черт, я тебя разбудил...

Хелена щурит глаза от яркого света, льющегося от люминесцентных ламп на потолке.

– Могу я войти?

– У меня есть выбор?

– Хелена, прошу...

Она делает шаг назад, впуская его, и следует за ним из маленькой прихожей мимо туалета в гостиную.

– Зачем ты пришел?

Он усаживается на пуфик для ног возле огромного кресла у окна, за которым ничего, кроме бескрайнего моря.

– Мне сказали, ты не выходишь ни в столовую, ни в тренажерный зал. Ни с кем не разговариваешь, целыми днями торчишь у себя в комнате...

– Почему ты не разрешаешь мне общаться с родителями? Почему не отпускаешь?

– Ты сейчас сама не своя, Хелена, и можешь наговорить лишнего об этом месте.

– Мне нужно уехать, говорю тебе. Мама в больнице – я даже не знаю, в каком она состоянии. Папа уже месяц не слышал моего голоса, наверняка ужасно беспокоится...

– Сейчас ты этого не поймешь, я знаю, но я спасаю тебя от тебя самой.

– Да пошел ты!

– Ты забросила проект, потому что не согласна с направлением, которое я ему придал. Я просто хочу дать тебе время пересмотреть свое решение.

– Это был мой проект!

– Но деньги давал я.

У Хелены дрожат руки – и от страха, и от злости.

– Я не желаю больше этим заниматься. Ты разрушил мою мечту. Не дал мне помочь маме и другим. Сейчас я хочу вер-

нуться домой. Ты и дальше собираешься удерживать меня здесь против воли?

– Нет, разумеется.

– Значит, я могу уехать?

– Помнишь, о чем я спросил тебя в первый день, когда ты только прилетела?

Хелена качает головой, борясь с подступающими слезами.

– Я спросил: готова ли ты изменить мир вместе со мной? Ты проделала блестящую работу, и сегодня я пришел к тебе сказать, что она почти завершена. Забудь обо всем, что было в прошлом. Давай вместе пересечем финишную черту.

Хелена непонимающе смотрит на него через кофейный столик. Слезы текут по лицу.

– Что ты сейчас чувствуешь? Объясни мне.

– Как будто ты украл у меня мою мечту.

– Ничего подобного. Я только вмешался, когда тебя подвело чутье. На то мы и партнеры. Сегодня главный день в твоей и моей жизни – тот, к которому мы шли все это время. Поэтому я и здесь. Депривационная капсула готова. Аппарат реактивации приспособлен к работе внутри нее. Через десять минут состоится новое испытание – самое важное.

– И кто же подопытный?

– Какая разница?

– Для меня есть разница.

– Просто парень, который получает двадцать штук в неделю, кладя свою жизнь на алтарь науки.

– И он знает, насколько это опасно?

– Да, он полностью осведомлен о возможных рисках. Слушай, в общем, если хочешь домой – собирай вещи и жди в полдень на вертолетной площадке.

– А что с моим контрактом?

– Ты подписывалась на три года. Это досрочное расторжение. Никакого вознаграждения, никакой доли в прибыли, ничего. Ты знала, на что шла. Но если хочешь закончить то, что мы начали, идем со мной в лабораторию прямо сейчас. Сегодняшний день войдет в историю.

Барри

6 ноября 2018 г.

Пристегнутый к креслу, чувствуя себя словно в кошмаре, который не закончился с пробуждением, Барри отвечает:

– Это было двадцать пятого октября. Одиннадцать лет назад.

– Что первое приходит на ум, когда вы вспоминаете об этом? Какая самая сильная эмоция или образ?

Барри испытывает два противоречивых чувства. С одной стороны, ему хочется разорвать незнакомца на куски, с другой – сама мысль о Меган и той ночи разрывает сердце ему самому.

– Момент, когда я нашел ее тело, – монотонным голосом отвечает он.

- Прошу прощения, я недостаточно ясно выразился. Не после того, как ее не стало. До того.
- Наш последний разговор.
- Вот об этом и расскажите.
- Барри стискивает зубы, невидящим взглядом уставившись в стену.
- Прошу вас, детектив Саттон, говорите.
- Я сидел в кресле в нашей гостиной, смотрел чемпионат по бейсболу...
- Вы помните, кто играл?
- «Ред сокс» и «Рокиз»¹³. Вторая игра. Первую выиграли «Сокс». В итоге все четыре останутся за ними, и они победят всухую.
- А вы за кого болели?
- Мне было все равно, в общем-то. Наверное, предпочел бы, чтобы «Рокиз» дали отпор, игра была бы интереснее. Слушайте, зачем вы это делаете? Какая разница...
- Значит, вы сидели в кресле...
- Пил пиво, кажется.
- Джулия тоже болела вместе с вами?
- Господи, откуда он знает ее имя?
- Нет. Вроде бы смотрела телевизор в спальне. Мы к тому времени уже поужинали.
- Все вместе, по-семейному?

---

¹³ «Ред сокс», «Рокиз» – бейсбольные команды из Бостона и Денвера соответственно.

– Не помню. Наверное. – Барри вдруг ощущает, как в груди все сжимается – с такой силой, что вот-вот лопнет. – Я много лет ни с кем не говорил о том вечере.

Мужчина все так же сидит на табурете, расчесывает пальцами бороду и смотрит холодным, изучающим взглядом, ожидая продолжения.

– Вошла Меган. Не помню точно, как она была одета, но я вижу ее почему-то в джинсах и бирюзовом свитере, который она всегда носила.

– Сколько ей тогда было лет?

– Через десять дней должно было исполниться шестнадцать. Она останавливается перед кофейным столиком между мной и телевизором – это я помню точно, – руки на бедрах, взгляд притворно строгий...

Глаза Барри наполняются слезами.

– Эмоции не угасли со временем, – отмечает незнакомец. – Это хорошо.

– Пожалуйста, – просит Барри, – давайте остановимся.

– Продолжайте.

Барри делает глубокий вдох, пытаясь нащупать внутри себя хоть что-то, на что можно опереться и не расклеиться окончательно. Наконец, он говорит:

– Тогда был последний раз, когда я смотрел в глаза дочери. Я не знал, что так будет, и все старался извернуться и заглянуть в телевизор.

Лишь бы не разрыдаться перед ним. Боже, что угодно,

только не это.

– Продолжайте.

– Она спросила, можно ли ей пойти в «Дэйри куин»¹⁴. Пару раз в неделю она ходила туда тусоваться с друзьями и делать домашнее задание. Я, как обычно, начал задавать вопросы: а мама разрешила? А уроки все готовы? Маму она не спрашивала, пришла сразу ко мне. Уроки не все, но как раз и надо встретиться с Минди и обсудить лабораторку по биологии, которую они вместе делают. А кто еще там будет? Меган перечислила – имена в основном знакомые. Я посмотрел на часы – была половина девятого, матч только начинался – и велел возвращаться не позже десяти. Она попыталась выторговать еще час, я отрезал – завтра в школу, нечего спорить. Она и не стала, просто пошла к двери. Напоследок, помню, я окликнул ее и сказал, что люблю...

Слезы текут безудержным потоком, все тело Барри сотрясается от рыданий, но ремни держат крепко.

– По правде говоря, не знаю, сказал я ей это тогда или нет. Вряд ли – скорее всего просто переключился на матч. И даже не вспомнил о ней, пока десять часов не прошли, а она так и не вернулась.

– Компьютер, остановить сессию, – говорит незнакомец. – Спасибо, Барри.

Он наклоняется и вытирает ему слезы тыльной стороной

---

¹⁴ «Дэйри куин» – сеть фастфуда, известная своими десертами, в том числе мороженым и коктейлями.

ладони.

– Зачем все это? – спрашивает Барри сломленным голосом. – Любая пытка была бы лучше.

– Я покажу вам – зачем.

Мужчина нажимает кнопку на капельнице. Барри смотрит, как прозрачная жидкость течет по трубке в его вену.

Хелена

20 июня 2009 г.

День 598

Подопытный – высокий жилистый мужчина. Тонкие руки в следах от уколов. На левом плече татуировка с именем Миранда. Должно быть, свежая – кожа вокруг еще красная и воспаленная. На голове – плотно облегающий серебристый шлем, похожий на шапочку для купания, только толще. Какое-то устройство, размером с губку для обуви, прикреплено к левому предплечью. Совершенно голый, мужчина стоит перед белой, похожей на огромное яйцо капсулой. Рядом двое медиков с реанимационным набором наготове.

Хелена наблюдает за экспериментом через одностороннее стекло, сидя за главной консолью в соседней аппаратной. По бокам от нее – Маркус и доктор Пол Уилсон, руководитель команды медиков. Слева от Слейда – Сергей, единственный из прежнего коллектива исследователей.

Кто-то трогает Хелену за плечо. Она оборачивается – ме-

сто сзади занял Чжи Ун, видимо, только что проскользнувший внутрь. Наклонившись, он шепчет ей в ухо:

– Я очень рад, что вы вернулись к нам. Без вас здесь все было не так.

Слейд оглядывается на Сергея, который изучает экран с подробным изображением черепа испытуемого в высоком разрешении.

– Что с координатами реактивации?

– Рассчитаны и загружены.

Слейд оборачивается к медику.

– Пол?

– Все под контролем.

Щелкнув кнопкой гарнитуры у себя на голове, Слейд обращается к подопытному:

– Рид, у нас здесь полная готовность. Можешь залезать в капсулу, и приступим.

Тот, однако, не двигается с места. Он стоит, поеживаясь, и смотрит внутрь капсулы через открытую крышку. Искусственное освещение придает его болезненно бледной коже синеватый оттенок, и только отметины от игл на руках горят красным.

– Рид? Ты меня слышишь?

– Да, – доносится голос из четырех динамиков по углам комнаты.

– Так ты готов или нет?

– Это... А вдруг больно будет? Я чего-то не уверен, как

оно пойдет.

Рид смотрит на них через одностороннее стекло – изможенный, худой, под землистого цвета кожей торчат ребра.

– Мы все это обсуждали, – откликается Слейд. – Рядом со мной доктор Уилсон. Пол, не хотите сказать пару слов?

Тот надевает наушники поверх гривы вьющихся седых волос:

– Рид, прямо передо мной на мониторе все ваши жизненные показатели, за которыми я буду постоянно следить. Если я увижу, что с ними что-то не так, у нас есть план действий.

– И не забудь про премию, которую ты получишь в случае успешного эксперимента, – добавляет Слейд.

Рид снова переводит пустой взгляд на капсулу.

– Ладно, – говорит он, настраиваясь. – Поехали.

Взявшись за ручки по сторонам корпуса, он неуклюже забирается внутрь. В динамиках раздается плеск воды.

– Рид, дай знать, когда устроишься там, – говорит Слейд.

– Нормально, плаваю в воде, – отвечает тот через некоторое время.

– Тогда, если ты не против, двигаемся дальше. Я закрываю крышку?

Десять долгих, напряженных секунд тишины.

– Ты не против, Рид?

– Да, лады.

Слейд набирает команду на клавиатуре. Крышка плавно встает на место, становясь единым целым с корпусом.

– Рид, мы готовы погасить свет и приступить. Как ты?

– Тоже готов, наверное.

– Ты помнишь все, о чем мы говорили с тобой утром?

– Вроде.

– Без «вроде». Помнишь или нет?

– Да.

– Отлично. Все будет нормально. Когда увидимся в следующий раз, скажи мне, что мою мать зовут Сьюзен. Так я пойму, что все получилось.

Слейд выключает освещение в капсуле. В аппаратной зажигается еще один монитор, транслирующий изображение с камеры ночного видения, которая смотрит с потолка прямо на Рида. Тот, распростертый на спине, плавает в крепком соляном растворе. Слейд вызывает на главном мониторе таймер и устанавливает на пять минут.

– Рид, это последний сеанс связи. Сейчас мы дадим тебе немного времени, чтобы расслабиться и сосредоточиться. Потом начнем.

– Ясно.

– С богом. Сегодня ты войдешь в историю.

Слейд запускает обратный отсчет и снимает гарнитуру с наушниками.

– Какое именно воспоминание будет реактивировано? – спрашивает Хелена.

– Ты заметила наколку у него на плече?

– Да.

– Мы сделали ее вчера утром, а вечером записали воспоминание об этом.

– Почему именно тату?

– Из-за боли. Требовалось какое-то достаточно сильное и недавнее впечатление.

– Никого, кроме героинщика, на роль испытуемого не нашлось?

Слейд не отвечает. Просто поразительно, в кого он превратился. Зашел куда дальше, чем Хелена планировала. Она и не думала, что встретит кого-то более одержимого, более помешанного на своей идее, чем она сама.

– Он хотя бы понимает, во что ввязался?

– Да.

Таймер на мониторе продолжает обратный отсчет. Секунда истекает за секундой, минута за минутой.

– Это совершенно вне рамок ответственного подхода к научному эксперименту, – глядя прямо на Слейда, произносит Хелена.

– Согласен.

– И тебе плевать?

– Чтобы добиться прорыва, к которому я стремлюсь, играть надо по-крупному.

Хелена смотрит на экран, где неподвижная фигура Рида лежит на поверхности воды внутри капсулы.

– То есть ты собираешься поставить на кон жизнь этого человека?

– Да. Однако и он готов к этому. Он понимает свое положение. По-моему, это настоящий героизм. Кроме того, когда мы закончим, он отправится лечиться от зависимости в роскошную клинику. А мы с тобой, если дело выгорит, будем пить шампанское в твоей каюте... – Слейд смотрит на свой «ролекс». – ...через каких-нибудь десять минут.

– О чем ты говоришь? Какое дело?

– Скоро увидишь.

Последние две минуты проходят в напряженном молчании. Наконец, звучит сигнал, что время вышло.

– Пол? – вопросительно произносит Слейд.

– Наготове.

Слейд поворачивается ко второму человеку за консолью, ответственному за стимуляторы:

– Сергей?

– Жду команды.

– Реанимация?

– Наготове, полный заряд.

Слейд кивает Полу. Тот выдыхает через нос и нажимает кнопку.

– Один миллиграмм рокурония, ввожу внутривенно.

– Что это? – спрашивает Хелена.

– Нервно-мышечный релаксант, – поясняет доктор Уилсон.

– Что бы там ни случилось, – добавляет Слейд, – нельзя, чтобы у Рида начались судороги и он разрушил устройство

реактивации.

– Он в курсе, что его на время парализует?

– Разумеется.

– Каким образом подаются препараты?

– У него в левой руке катетер с беспроводным управляющим устройством. Состав примерно такой же, как для смертельной инъекции, за исключением снотворного.

– Ввожу два и две десятых миллиграмма тиопентала натрия, – произносит доктор.

Хелена попеременно смотрит то на трансляцию из капсулы, то на монитор перед ним, где показывается пульс Рида, кровяное давление, ЭКГ и с десятков других жизненных показателей.

– Давление падает, – комментирует Уилсон. – Частота сердечных сокращений снизилась до пятидесяти ударов в минуту.

– Он страдает? – спрашивает Хелена.

– Нет, – отвечает Слейд.

– Откуда ты знаешь?

– Двадцать пять ударов в минуту.

Хелена наклоняется к экрану с зеленым, как его показывает камера ночного видения, лицом Рида. Глаза мужчины закрыты, никаких признаков, что ему больно. Он выглядит скорее даже умиротворенно.

– Десять ударов в минуту. Давление – тридцать на пять.

Комнату вдруг наполняет непрерывный высокий звук –

линия пульса на мониторе становится прямой. Доктор включает сигнал и произносит:

– Время смерти – десять тринадцать.

Рид, плавающий в капсуле на поверхности воды, выглядит совершенно таким же.

– Когда вы его реанимируете?

Слейд не отвечает.

– Я готов, – говорит Сергей.

На главном мониторе перед доктором появляется новое окно: «Время после остановки сердца: 15 секунд».

– Зафиксирован выброс ДМТ, – сообщает он, когда проходит минута.

– Сергей, – командует Слейд.

– Запускаю программу реактивации памяти. Работа стимуляторов начата...

Уилсон продолжает зачитывать различные показатели, теперь в основном связанные с активностью мозга и уровнем кислорода в нем. Сергей информирует о прогрессе примерно каждые десять секунд, для Хелены их голоса сливаются в неясный гул, отступая на второй план. Она не сводит глаз с лица человека на экране – что он видит и слышит сейчас? Была бы она сама готова умереть, чтобы понять, прочувствовать свое изобретение до конца?

На отметке в две минуты тридцать секунд Сергей рапортует:

– Программа реактивации памяти завершена.

– Запустите еще раз, – откликается Слейд.

Сергей смотрит на него в недоумении.

– Маркус, – вмешивается доктор, – после пяти минут шансы вернуть его к жизни будут практически нулевые. Клетки мозга сейчас стремительно погибают.

– Мы с Ридом все обговорили сегодня утром. Он готов к этому.

– Вытащите его! – просит Хелена.

– Мне это тоже не нравится, – поддерживает ее Сергей.

– Пожалуйста, доверьтесь мне. Повторите еще раз.

Сергей со вздохом быстро набирает что-то на клавиатуре.

– Запускаю программу реактивации памяти. Работа стимуляторов начата...

Хелена испепеляет Слейда взглядом.

– Чжи Ун вытащил его из притона в одном из худших районов Сан-Франциско, – говорит тот. – Он был без сознания, в руке так и торчала игла. Он бы наверняка уже умер, если бы не...

– Это не оправдывает твоих действий.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, и хочу только вновь попросить – всех вас попросить просто довериться мне и подождать еще немного. С Ридом все будет в полном порядке.

– Маркус, – опять вмешивается Уилсон, – если вы намереваетесь вернуть мистера Кинга к жизни, я рекомендую дать реаниматологам команду вытаскивать его немедленно. От

эксперимента не будет никакого толка, когда когнитивные функции окажутся утрачены, даже если мы запустим сердце.

– Мы не будем его вытаскивать.

Сергей поднимается и идет к выходу. Хелена встает с места и следует за ним.

– Дверь заперта снаружи, – говорит в спину Слейд. – И даже если бы вы прорвались, в коридоре ждет охрана. Прошу меня извинить, но я предчувствовал, что на этом этапе вы можете сломаться.

– Дана, Аарон, – командует доктор в микрофон, – немедленно вынимайте мистера Кинга и приступайте к реанимации.

Хелена оборачивается, врачи по ту сторону стеклянной стены продолжают неподвижно стоять возле тележки.

– Аарон! Дана!

– Они вас не слышат, – говорит Слейд. – Я отключил интерком сразу, как только вы начали ввод препаратов.

Сергей бросается на металлическую дверь, пытаясь выбить ее плечом.

– Хотите изменить мир? – спрашивает Слейд. – Вот так приходится платить. Принять решение и идти до конца, во что бы то ни стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.